

Эдгар По
ЛИРИКА

ЭДГАР ПО · ЛИРИКА

ЭДГАР ПО

**СОКРОВИЩА
ЛИРИЧЕСКОЙ
ПОЭЗИИ**

ЭДГАР ПО
ЛИРИКА

Перевод
с английского

Ленинград . «Художественная литература»
Ленинградское отделение
1976

И (Амер)
П 41

Вступительная статья
и примечания
В. ЗАХАРОВА

Оформление художника
Н. ЛЬВОВОЙ

По Э.

П41 Лирика. Пер. с англ. Вступит. статья и примеч.
В. Захарова. Худож. Н. Львова. Л., «Худож. лит.»,
1976.

128 с.

В сборник входит почти все поэтическое наследие
выдающегося американского поэта Эдгара По (1809—
1849).

П $\frac{70404-078}{028(01)-76}$ 165—75

И (Амер)

© Издательство
«Художественная литература», 1976 г.

П $\frac{70404-078}{028(01)-76}$ 165—75

ЛИРИКА ЭДГАРА ПО

Старинный дагерротип позволяет увидеть не-многое: необычно высокий лоб, запавшие глаза, слегка выющиеся волосы, удлинённую форму лица. К этим скупым деталям можно добавить то, что замечали в его облике современники, как друзья, так и враги, — признаки натуры впечатлительной, болезненной, отмеченной печатью гения...

Когда знакомишься с обширной и многоязычной литературой, посвященной Эдгару Аллану По (1809—1849), возникает образ огромного, но нестройного хора, в котором сотни соперничающих голосов с ожесточением и страстью, не утихающими вот уже больше века, стремятся одолеть друг друга. Согласно звучит одна лишь тема искреннего разочарования: многогранность творчества великого американского поэта, как бы сотканного из противоречий, до сих пор не позволяет критике уложить его в привычные схемы. Поэт-мечтатель, отрешившийся от грубой действительности и стремящийся магией своего искусства запечатлеть отблески недосыгаемой «Высшей Красоты», царящей где-то в мире платоновских «за-небесных идей»; и — в то же время — предприимчи-вый журналист, обладающий практической сметкой,

успешно конкурирующий с собратьями по перу и умеющий в короткий срок увеличить число подписчиков своего издания в восемь раз; с одной стороны, могучий природный ум, усвоивший глубокие знания как в области гуманитарных, так и точных наук, и обладающий такими же необыкновенными аналитическими способностями, как Дюпен, герой рассказов «Убийство на улице Морг», «Украденное письмо», «Тайна Мари Роже», или Лэгран из новеллы «Золотой жук»; с другой — убежденный противник науки, уподобивший ее в «Сонете к Науке» хищной птице — грифу, ибо наука разлучает природу с ее древними божествами; философ, который в трактате «Поэтический принцип» определил поэзию как «полное борьбы стремление душ, надлежащим образом к этому предназначенных, постичь высшее Очарование» и при этом заметил, что Разум имеет к Поэзии «побочное отношение»¹, а в другом трактате — «Философия творчества» — бесстрастно и холодно раскрыл до мельчайших деталей технику создания «Ворона», шедевра своей лирики, исключив участие в творческом процессе интуиции или вдохновения, то есть тем самым в буквальном смысле слова «музыку разъял, как труп», — все эти и многие другие, иногда столь же полярные характеристики относятся к одной и той же личности.

Глубокие противоречия были присущи самой американской действительности той эпохи. Ее превозносили и в то же время остро ненавидели. Победоносная революция конца 1770-х годов, освободившая молодую нацию от английского владычества, откры-

¹ В тексте статьи цитаты из трактатов По даны в переводе К. Бальмонта по изданию: По Э. Собр. соч., т. 2. М., 1911.

вала, казалось, неограниченные возможности для экономического и общественного развития. Ощущение безграничной перспективы усиливалось еще благодаря движению колонистов на Запад, навстречу девственным лесам и прериям, полным опасностей неизведанным просторам. Однако была и обратная сторона медали. В «обетованной земле свободной инициативы», как часто называли США в то время, пороки капитализма проявились еще более откровенно и цинично, чем в Старом Свете. «Стяжательство в общественной и частной жизни, — говорил в своей публичной лекции в конце 1830-х годов выдающийся американский философ Ральф Уолдо Эмерсон, — создает атмосферу, в которой трудно дышать... Мы видим, к каким трагическим последствиям это ведет. Разум нашей страны, приученный к низменным целям, топчется на месте... Молодые люди, прекрасно одаренные... чуждаются действия, ибо не принимают принципов, на которых зиждется наша практическая жизнь. Они становятся рутинерами или умирают от отвращения»¹. Именно к числу таких «прекрасно одаренных», кто не пожелал стать рутинером, и принадлежал Эдгар По. Все особенное, необычное, не подходящее ни под какие стандарты в его натуре и психологии творчества уходит корнями в те конкретно-исторические условия, которые определили его умственное и нравственное развитие. Такими условиями были: тяжелая наследственность, о которой он знал и разрушающего влияния которой опасался всю свою сознательную жизнь, положение пасынка в доме Джона Аллана, неустроенная, кочевая жизнь, полная лишений и непрерывных незаслуженных ударов

¹ «История американской литературы», т. I. М.—Л., 1947, с. 198.

судьбы, из которых тяжелейшим была смерть горячо любимой жены, поистине танталовы муки творчества, которому он мечтал отдаться до полного самозабвения, а вместо этого вынужден был растрчивать силы и талант на поприще журналистики, и, наконец, самое главное — общественное окружение молодого поэта, чьи отроческие и юношеские годы протекли в аристократической Виргинии с ее лениво-медлительным укладом жизни, среди плантаторов-рабовладельцев, «насквозь пропитанных кичливой местнической гордостью, ненавидевших все чуждое Югу, отличавшихся высокомерием, распущенностью, расточительностью и претенциозностью»¹.

Однако противоречия в личности Эдгара По удивительным образом органически сочетались друг с другом и именно в результате этого неожиданного сплава возникло неповторимое, уникальное дарование, которое не только резко обособило По от других поэтов, но и сообщило всей американской поэзии глубоко самобытный национальный характер. Если до Эдгара По на американских поэтов смотрели как на эпигонов английских мэтров романтизма, то теперь такое представление явно перестало соответствовать истине.

Романтизм как литературное направление возник в Америке в 70-х годах XVIII века. Творчество ранних романтиков (Френо, Брокдена Брауна, Брайента, Ирвинга, Купера и других) было реакцией на американскую революцию и стремительное развитие капиталистических отношений в стране. Атмосфера

¹ Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли, т. II, Революция романтизма в Америке (1800—1860). М., 1962. с. 76—77.

стяжательства, которую позднее обличал Эмерсон, вызывала у этих прозаиков и поэтов острое чувство неудовлетворенности и тревоги, и поэтому все они — и каждый по-своему — выступали с критикой буржуазных порядков и буржуазной морали. Однако своего апогея романтическое движение в Северной Америке достигло в 1830—1840-х годах под влиянием английского романтизма. Для творчества американских романтиков второго поколения — Готорна, Мелвилла, Эдгара По — было характерно трагическое мироощущение, сознание незащитности перед лицом царящего зла. По существу, подлинным источником этого пессимизма была отмеченная выше особенность исторического развития Соединенных Штатов, опережавших Европу на пути капитализма. Такие своеобразные черты творчества По, как глубокая меланхолия, доходящая до беспросветного отчаяния, интерес ко всему иррациональному, таинственному, болезненный самоанализ, были не только и не столько неизменными атрибутами романтической поэтики, сколько желанием поэта отмежеваться от жизни и практики буржуазного общества.

Нравственная чистота, бескомпромиссность в вопросах морали, сознание долга были в представлении По важными критериями отличия подлинного художника-творца от ремесленника. В «Поэтическом принципе» он указывал, что «Вкус отделен от Морального Чувства отличием столь слабым, что Аристотель не поколебался отнести некоторые из его проявлений к числу самих добродетелей... Вкус дает нам понимание прекрасного, а Моральное Чувство следит за долгом... Вкус объявляет войну Пороку... на основании его вражды к Красоте». Из этих слов можно за-

ключить, что эстетическое отношение к действительности не расходилось у По с отношением нравственным.

Неутолимая жажда самоутверждения, духовной и творческой оригинальности были поистине всепоглощающей страстью Эдгара По, с его гордой и восприимчивой натурой, уязвленной еще в отроческие годы жестоким обращением отчима. Во многих его поступках и замыслах отчетливо прослеживается сознательное или бессознательное стремление утвердить свою индивидуальность. Несомненно, например, что По, как и другие видные его современники, испытал воздействие европейского и, прежде всего, английского романтизма. Так, самые ранние его произведения («Тамерлан», «Песня», «Вечерняя звезда», «Стансы» и др.) отмечены влиянием «Еврейских мелодий» Байрона. Тема общения поэта с олицетворенными силами природы в стихотворении «Мечты» того же периода (1827) восходит, по-видимому, к лирике Шелли, а восточные декорации и некоторые особенности строфики и метрики в поэме «Аль Аараф» (1828) свидетельствуют об увлечении юного По Томасом Муром, в частности его поэмой «Лалла Рук». Наконец, в поэзии 1829—1831 годов — вплоть до наступления творческой зрелости — явственно ощущается влияние Колриджа. Имя Колриджа наиболее часто упоминается в теоретических и критических статьях Эдгара По — то в тоне безудержной хвалы и с благоговейным пиететом, то с нарочитым пренебрежением и насмешкой. Эта противоречивость, очевидно, объясняется тем, что По признавал, скольким он обязан Колриджу, но в то же время стремился преодолеть тяготившую его зависимость.

Свидетельством напряженной внутренней борьбы По против чужих влияний явилась и его теория

поэтического искусства. Ее изложение содержат преимущественно три трактата — «Рассуждение о стихе» (1843), а также упоминавшиеся уже «Философия творчества» (1846) и посмертно изданный «Поэтический принцип» (1850). Основное содержание этой романтической теории сводится к следующим положениям: непосредственной целью поэзии является удовольствие, а не жизненная правда; удовольствие, которое доставляет чтение стихов, носит неопределенный характер, в то время как удовольствие, доставляемое чтением прозы, носит вполне определенный характер; музыка является важнейшим элементом поэзии; «единственная область, коей повелевает поэзия, — это область прекрасного»; прекрасное в поэзии должно иметь оттенки необычности или новизны; стихотворение должно обладать «единством художественного впечатления»; стихотворение должно быть коротким, таким, чтобы его можно было прочесть не отрываясь, за один раз; бурное, неумеренное проявление чувств несовместимо с поэзией, и, наконец, преобладающей тональностью поэзии должна быть печаль или меланхолия. Эти положения во всей их совокупности, как писал По в «Философии творчества», были им реализованы в стихотворении «Ворон».

Смысл противопоставления «удовольствия» «правде» становится понятным, если учитывать, что По был убежденным противником поэтической теории Вордсворта и Колриджа, изложенной в предисловии ко второму изданию «Лирических баллад» (1800). Мэтры английского романтизма заявляли, что поэт должен быть проповедником и учителем людей; такое представление о назначении поэта По называл «дидактической ересью». Стихотворение, считал он, существует *per se*, то есть только ради самого себя, а не ради

какой-либо иной, утилитарной или назидательной цели. Декларируя свое «преклонение перед Правдой», то есть реальной действительностью, он в то же время сознавал, что эта «Правда» есть также и грубая правда меркантильного буржуазного мира, который он презирал. Поэт в его понимании не должен был быть проповедником морали этого мира. Отсюда следовало, что «Поэзия и Правда не желают сливаться столь же упорно, как масло и вода». Именно этот романтический протест Эдгара По против депоэтизированной действительности, управляемой корыстными побуждениями, был впоследствии поддержан европейскими символистами, называвшими По своим духовным отцом. Однако следует отметить, что символисты придавали особое, преувеличенное значение болезненному пристрастию По к иррациональному. Им казалось, что ключ к пониманию его творчества следует искать именно в этой особенности его психического склада. Такое восприятие символистов в значительной мере определило оценку наследия По и в современном западном литературоведении, которое без достаточных оснований пытается сблизить эстетику американского поэта-романтика с теоретическими принципами модернизма.

Антитеза «определенности» и «неопределенности» удовольствия была связана в представлении По с его положением о нерасторжимом кровном родстве двух муз — музыки и поэзии. Он считал, что музыкальная организация стиха — гармония звуков и ритма — способна воздействовать, минуя рациональное начало, непосредственно на эмоциональную сферу. Природа такого воздействия по сути своей неопределенна, следовательно, и удовольствие, извлекаемое из чтения

стихов, также остается неопределенным. В этом смысл упомянутой антитезы.

Однако понятие «неопределенности» поэзии имело, по-видимому, в эстетике По гораздо более важное значение, чем это с давних пор известное сопоставление. «Веря, что «в неопределенности — душа поэзии», — писал видный американский критик Ван Вик Брукс, — он стремился обнять «неведомое, туманное, непостижимое». Образы его поэзии не вызывали в памяти картинки действительности, но будили ассоциации неясные, отдаленные, зловещие или меланхолические, величественные и печальные»¹. Дело в том, что образы, «будившие неясные ассоциации», были художественным средством выражения поэтического видения действительности, характерным для манеры По и своей интенсивностью выделяющим его среди поэтов-романтиков. Утверждая, что стихотворение непременно должно быть кратким (не более ста строк) и что прекрасное в поэзии должно иметь оттенки необычности или новизны, он, по существу, указывал на преимущество образного выражения в художественной речи, то есть метафоры перед описанием, которое, как правило, удлиняет стихотворение и ослабляет его эмоциональное воздействие, между тем как выразительные возможности метафоры практически неограниченны.

В зрелой лирике По роль метафоры возрастает, и она доминирует над другими поэтическими средствами. На смену спорадическим, случайным образным сравнениям приходят развернутые метафоры, охватывающие все стихотворение. Меняется и качественный характер метафоры — в сторону усложнения, свежести,

¹ Ван Вик Брукс. Писатель и американская жизнь, т. II, М., 1971, с. 12.

новизны. Так, пять строф стихотворения «Червь-победитель» приблизительно соответствуют пяти актам трагедии. Вселенная уподоблена театру, жизнь человеческая — сцене, небесное воинство — оркестру, который исполняет «музыку планет». Главный же герой, торжествующий в финале, — это «Червь-победитель», то есть смерть. «Космическая метафора» ярко, выпукло и в максимально лаконичной форме раскрывает излюбленную мысль поэта о тщете человеческой гордыни. В стихотворении «Эльдорадо» метафора рождается и развивается на глазах читателя: в первый строфе тень — это просто тень, антоним солнечного света, во второй — аллегория сомнения, в третьей — олицетворение иллюзии, обманчивой надежды, наконец, в четвертой — символ смерти. Аналогичная эволюция метафоры составляет основу композиции стихотворения «Звон»: звон колоколов меняется здесь в каждой из четырех частей стихотворения, символически изображая этапы жизни человека — детство, юность, пору зрелости и старость — предвестницу близкой кончины.

Метафорический строй баллады «Улялюм» весьма сложен. Тайственный диалог между поэтом и Психеей, олицетворяющими рассудочное и эмоциональное начала, «разум» и «сердце», полон потаенного смысла, ключом к разгадке которого служат мифологические образы и символика знаков зодиака, принятая в средневековой астрологии. Наиболее убедительная интерпретация баллады такова: поэта, осиротевшего любовника, блуждающего в очарованном лесу, влечет дрожащий свет звезды, которую он принимает за Астарту — Венеру, сулящую новую любовь. Он не внимлет предостережениям Психеи, стремится вперед по тропе и находит в конце пути гробницу Улялюм. Так раскрывается идея стихотворения: поиски утеше-

ния в новой любви тщетны, ибо власть прежней любви безгранична, она — сильнее самой смерти. Поясняя тезис о меланхолии, которой должна быть проникнута истинная поэзия, Эдгар По указывал, что из всех тем, вызывающих такое настроение, смерть прекрасной женщины является наиболее достойной. При всей очевидной субъективности этого мнения, бесспорно, однако, и то, что в балладе «Улялюм», как и в «Вороне», теория По обрела задуманное им идеальное художественное воплощение.

Искусство метафоры, которым виртуозно владел По, получило глубокое и всестороннее развитие в европейской и американской поэзии XX века. По существу, в современной поэзии качество метафоры стало важнейшим критерием эстетической ценности стихотворения. «Метафоризм, — писал Б. Пастернак, — естественное следствие недолговечности человека и надолго задуманной огромности его задач. При этом несоответствии он вынужден смотреть на вещи по-орлиному зорко и объясняться мгновенными и сразу понятными озарениями. Это и есть поэзия. Метафоризм — стенография большой личности, скоропись ее духа»¹. В этом смысле значение творчества По поистине непреходяще. Его «скоропись духа» более принадлежала будущему, чем опиралась на традиции романтизма.

Из многочисленных высказываний По в его трактатах и критических статьях становится ясно, что в абстрактное и выспренное определение прекрасного как «единственной области, коей повелевает поэзия», он вкладывал вполне конкретное содержание. Под прекрасным он разумел порядок, соразмерность,

¹ Пастернак Б. Заметки к переводам шекспировских трагедий. — «Литературная Москва», М., 1956, с. 795.

гармонию. Всякая диспропорция, отсутствие чувства меры, в том числе ложный пафос и аффектация, им безоговорочно осуждались. Любовь к гармонии и отвращение к хаосу были, как он полагал, свойствами, общими для всех людей и дарованными им самой природой, так как имели первопричиной естественное для человека стремление к всеобщему равенству. И в этом суждении также ощущается связь между эстетикой По и его философскими и нравственными убеждениями, о которой уже говорилось выше. Развивая эту мысль на примере просодии, он утверждал, что стих рождается наслаждением, которое испытывает человек от ощущения равенства. Это ощущение создается такими качествами, как подобие, пропорция, тождество, повтор, причем ритм, рифма, размер и строка — лишь форма выражения идеи равенства. Отсюда следовало его знаменитое определение поэзии как «ритмического создания красоты».

В своей лирике По с редкой целеустремленностью претворял в жизнь этот принцип. Его излюбленными приемами звуковой организации стиха были резкая акцентировка ритма, вынуждающая скандирование, аллитерация, ассонанс, внутренняя рифма, лексико-синтаксические повторы. Эти приемы, взятые не порознь, а в органической связи друг с другом, образуют законченную систему, которая, наравне с искусством метафоры, представляет собой специфическую особенность творческой манеры По. В духе «ритмического создания красоты» в основном выдержаны поздние стихотворения — «Подвечная баллада», «Сонет к Занте», «Ворон», «Евлалция», «Улялюм», «К Елене», «Эльдорадо», «Аннабель Ли», «Звон». Давно уже было отмечено, что монотонный скандирующий ритм этих

стихотворений, в особенности «Ворона», «Аннабель Ли», «Уяляюм» и «Звона», оказывает завораживающее, близкое к гипнотическому воздействие на читателя. Такое воздействие позднее стали называть суггестивным, то есть основанным на внушении. О силе этого воздействия говорит, например, массовое восторженное увлечение «Вороном» после его публикации в январе 1845 года.

В «Аннабель Ли» поэт настолько поглощен своим горем, что окружающий мир перестает для него существовать. При таком душевном состоянии часто возникают навязчивые мысли или образы, которые По имитирует с помощью повторов. Повторы создают эффект обнаженности чувства, глубокой искренности и откровенности поэта. Такое сопереживание, проникновение читателя в интимный мир поэта очень редко встречалось в поэзии романтизма.

Все эти особенности творчества По неоднократно привлекали внимание родственной музыки — композиторов разных стран. Морис Равель и Клод Дебюсси отмечали влияние, которое оказал на них американский поэт, и писали музыку на его сюжеты, пленяясь звукописью его лирики. С. В. Рахманинов создал ораторию на текст «Колоколов» в переводе К. Бальмонта.

Оставаясь верным своему принципу «необычности прекрасного», По смело экспериментировал в процессе «ритмического создания красоты». Он обильно пользовался приемом смешивания размеров (хориямб), делал попытки введения тонического стиха вместо принятого в английской просодии того времени силлаботонического (например, в «Евфалия»), нарушал плавную поэтическую речь строчными переносами, которые сильно действуют на читательское воображе-

ние, когда они мотивированы внутренним волнением поэта:

Как много светлых встреч — уж больше нет их!
Как много помыслов, разбитых в прах!
Как много ликов той, кому на этих
Не быть, не быть зеленых берегах!
Не быть! Увы, магическое слово
Меняет все. Ушедшему *не быть*.
Не быть! Но если не вернуть былого,
То проклят будь и дай тебя забыть,
Пурпурный остров гиацинтов, Занте!
«Isola d'oro! Fior di Levante!»¹

(«Сонет к Занте»)

Изобретенный По слоговой перенос (так называемая «разорванная рифма») из стихотворения «Эльдорадо»

Ищи за несмет-
ным сонмом планет

получил в дальнейшем развитие в творчестве многих известных поэтов. Так, Шарль Бодлер, высоко ценивший талант По и переводивший его стихи на французский язык, написал стихотворение («Бурлескный сонет»), целиком построенное на разорванных рифмах. В русской поэзии слоговой перенос встречается у Иннокентия Анненского, который мастерски перевел сонет Стефана Малларме «Гробница Эдгара Поэ», у Маяковского (стихотворения «В авто», «Утро» и др.). Маяковский, несомненно, хорошо знал лирику и критические статьи По в переводах Мережковского, Брюсова и Бальмонта². Статья Маяковского «Как делать стихи», в которой рассказывается история создания стихотворения «Сергею Есенину», продолжает традицию творческого самоанализа, начатую По в «Философии творчества».

¹ Пер. В. Васильева.

² Харджиев Н. И. Заметки о Маяковском, — «Литературное наследство», т. 65. М., 1958, с. 410—412.

Однако изощренная техника стихосложения никогда не была для По самоцелью. Форма и содержание в его лирике представляют собой нерасторжимое единство. Именно это единство частей, составляющих гармоническое целое, он имел в виду, когда, заимствуя через посредство Колриджа терминологию у теоретика немецкого романтизма Августа Вильгельма Шлегеля, формулировал свой принцип единства художественного впечатления, или эффекта. Принцип этот По всегда ставил выше поисков в области формы, которые именно поэтому никогда не приобретали у него самодовлеющего характера.

Оклеветанный после смерти своим душеприказчиком и биографом Гризуолдом, человеком недобросовестным и завистливым, Эдгар По был долгое время — вплоть до 20-х годов нашего века — окружен у себя на родине заговором молчания и забвения. Напротив, в Старом Свете его, сына еще столь юной американской нации, прожившего такую короткую жизнь, и автора всего лишь полусотни стихотворений, ждала громкая неувядаемая слава. Французский символизм в лице Бодлера, Малларме, Рембо и других поэтов, заявлявших о своем презрении к меркантильному миру и искавших в искусстве слова многозначность музыки, объявил По своим предтечей. Уже усилиями французских символистов он впоследствии с триумфом завоевал признание отечества. Его слава не меркнет и поныне. Об этом говорят огромные тиражи его произведений, выходящих ежегодно на многих языках мира. И в наши дни книга лирики гениального американского поэта представит несомненный интерес для советского читателя.

В. ЗАХАРОВ

ЛИРИКА

ТАМЕРЛАН
(Отрывок из поэмы)

Нет речи у меня, — такой,
Чтоб выразить всю прелесть милой;
С ее волшебной красотой
Слова померятся ли силой?
Ее черты в моих мечтах —
Что тень на зыблемых листах!
Так замереть над книгой званья
Запретного мне раз пришлось;
Глаз жадно шил строк очертанья...
Но буквы, — смысл их, — все слилось
В фантазиях... — без содержания.

Она была любви достойна;
Моя любовь была светла;
К ней зависть — ангелов могла
Ожечь в их ясности спокойной.
Ее душа была — что храм,
Мои надежды — фимиам
Невинный и по-детски чистый,
Как и сама она... К чему
Я, бросив этот свет лучистый,
К иным огням пошел во тьму!

В любовь мы верили, вдвоем,
Бродя в лесах и по пустыням;
Ей грудь моя была щитом;
Когда же солнце в небе синем
Смеялось нам, я — небеса
Встречал, глядя в ее глаза.
Любовь нас учит верить в чувство.
Как часто, вольно, без искусства,
При смехе солнца, весь в мечтах,
Смеясь девической причуде,
Я вдруг склонялся к нежной груди
И душу изливал в слезах.
И были речи бесполезны;
Не упрекая, не кляня,
Она сводила на меня
Свой взгляд прощающий и звездный.

Но в сердце, *больше* чем достойном
Любви, страстей рождался спор,
Чуть Слава, кличем беспокойным,
Звала меня с уступов гор.
Я жил любовью. Все, что в мире
Есть — на земле, в волнах морей
И в воздухе, в безграничной шире, —
Все радости, — припев скорбей
(Что тоже радость), — идеальность, —
И суета ночной мечты, —
И, суета сует, реальность
(Свет, в коем больше темноты), —
Все исчезало в легком дыме,
Чтоб стать, мечтой озарено,
Лишь лик ее, — и имя! имя! —
Две разных вещи, — но одно!

Я был честолюбив. Ты знал ли,
Старик, такую страсть? О нет!
Мужик, потом не воздвигал ли
Я трон полмира? Мне весь свет
Дивился, — я роптал в ответ!
Но, как туманы пред рассветом,
Так таяли мои мечты
В лучах чудесной красоты, —
Пусть длится было ей (что в этом!)
Миг, — час, — иль день! Сильней, чем страсть,
Гнела ее двойная власть.

Раз мы взошли с ней до вершины
Горы, чьи кручи и стремнины
Вставали из волнистой тьмы,
Как башни; созерцали мы
В провалах низкие холмы
И, словно сеть, ручьи долины.
Я ей о гордости и власти
Там говорил, но так, чтоб всё
Одним лишь из моих пристрастий
Казалось. И в глазах ее
Читал я, может быть, невольный,
Ответ — живой, хоть безглагольный!
Румянец на ее щеках
Сказал: она достойна трона!
И я решил, что ей корона
Цветы заменит на висках.

То было — мысли обольщенье!
В те годы — вспомни, мой отец, —
Лишь в молодом воображеньи
Носил я призрачный венец.
Но там, где люди в толпы сжаты,

Лев честолюбия — в цепях,
Над ним с бичом закон-вожатый;
Иное — между гор, в степях,
Где дикость, мрачность и громадность
В нем только разжигают жадность.

Взгляни на Самарканд. Ведь он —
Царь всей земли. Он вознесен
Над городами; как солому,
Рукой он держит судьбы их;
Что было славой дней былых,
Он разметал подобно грому.
Ему подножьем — сотни стран,
Ступени к трону мировому;
И кто на троне? — Тамерлан!
Все царства, трепетны и немые,
Ждут, что их сломит великан, —
Разбойник в блеске диадемы!

Ты, о Любовь, ты, чей бальзам
Таит целенье неземное,
Спадающая в душу нам,
Как дождь на луг, иссохший в зное!
Ты, мимо пронося свой дар,
Спаляющая как пожар!
Ты, полнящая все святыни
Напевами столь странных лир
И дикой прелестью! — отныне
Прощай: я покори́л весь мир.

П Е С Н Я

Я помню: ты, в день брачный твой,
Как от стыда, зарделась вдруг,
Хоть счастье было пред тобой,
И, весь любовь, мир цвел вокруг.

Лучистый блеск в твоих очах
(Что ни таила ты)
Был — все, что на земле, в мечтах,
Есть выше красоты!

Быть может, девичьим стыдом
Румянец был — как знать! —
Но пламенем он вспыхнул в том,
Кто мог его понять,

Кто знал тебя в день брачный твой,
Когда *могла* ты вспыхнуть вдруг,
Хоть счастье было пред тобой
И, весь любовь, мир цвел вокруг.

1827

М Е Ч Т Ы

О, будь вся юность долгим сном одним,
Чтоб пробуждался дух, объятый им,
Лишь на рассвете вечности холодной;
Будь этот сон печален безысходно, —
И все ж удел подобный предпочтет
Безрадостной и косной яви тот,
Чье сердце предназначено с рожденья
Страстей глубоких испытать смятенье.
Но будет сходен сон такой или нет
С фантазиями отроческих лет,
Когда бывают грезы столь прекрасны,
Что лучших небо ниспослать не властно?
Как часто ярким полднем в летний зной
Я, мысленно покинув дом родной,
Скитался по далеким чуждым странам,
Плыл к существам неведомым и странным,
Плодам воображенья моего...
Что мог еще желать я сверх того?
Лишь раз пора мечтаний нам дается,
Тоска ж по ней до смерти остается.
Уж не под властью ль тайных чар я жил?
Не ветер ли ночной в меня вложил

Свой образ и порывы? Не луна ли
Меня манила в ледяные дали?
Не к звездам ли с земли меня влекло?
Не знаю. Все, как вихрем, унесло.

Но хоть в мечтах, а счастлив *был* тогда я
И к ним пристрастье ввек не обуздаю.
Мечты! Без них была бы жизнь бледна.
В них, радужных, олицетворена
Та схватка яви с видимостью ложной,
Благодаря которой и возможно
В бреду познать любовь и рай полней,
Чем в самом цвете юных сил и дней.

ДУХИ СМЕРТИ

И будет дух твой одинок.
Под серым камнем сон глубок, —
И никого — из всех, из нас,
Кто б разгадал твой тайный час!

Пусть дух молчание хранит:
Ты одинок, но не забыт,
Те Духи Смерти, что с тобой
Витали в жизни, — и теперь
Витают в смерти. Смутный строй
Тебя хранит; их власти верь!
Ночь — хоть светла — нахмурит взор,
Не побледнеет звезд собор
На тронах Неба, но мерцаньем
Вновь звать не будет к упованьям;
Их алые круги тебе
Напомнят о твоей судьбе,
Как бред, как жар, как боль стыда,
С тобой сроднятся навсегда.
Вот — мысли, что ты не схоронишь,
Виденья, что ты не прогонишь
Из духа своего вовек,
Что не спадут, как воды рек!

Вздых бога, дальний ветер — тих;
Туманы на холмах седых,
Как тень — как тень, — храня свой мрак,
Являют символ или знак,
Висят на ветках не случайно...
О, тайны тайн! О, Смерти тайна!

1827.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Лето в зените,
Полночь темна.
Звезды бледнеют —
Всходит луна,
В небо выводит
Свиту планет.
Брызжет холодный
На воду свет.
Луна улыбалась,
Но мне показалась
Улыбка ее неживой,
А тучи под нею —
Трикраты мрачнее,
Чем черный покров гробовой,
Но тут я в молчанье
Увидел мерцанье
Вечерней звезды над собой.
Был луч ее дальний
Во тьме изначальной
Чуть зрим, но согрел с вышины
Он душу, которой
Так больно от взора
Бесстрастной и близкой луны.

1827

СТАНСЫ

Как часто сердцу горы, чащи, воды —
Безлюдные святилища Природы —
Дают столь всеобъемлющий ответ,
Что забываем мы о беге лет!

I

Был в юности знакомец у меня,
Имевший дар общенья со вселенной;
Но, красоту ее в себе храня
И дух свой, этот факел в жизни бренной,
Воспламеняя и лучами дня,
И блеском звезд на тверди довременной,
Не знал он, что за силой одержим,
Когда владело исступленье им.

II

Что это было? То ли наважденье
От чар луны в глухой полночный час?
То ль краткий миг внезапного прозренья,
Что раскрывает больше тайн для нас,
Чем древние оккультные ученья?
То ль просто мысль, что в плоть не облеклась,
Но, как роса траву в начале лета,
Живит рассудок, несмотря на это?

III

Как вид того, мечтаем мы о ком,
Ленивые зрачки нам расширяет,
Иной предмет, который всем знаком
И больше никого не изумляет,
Нежданно в свете предстает таком,
Что глубиной своей ошеломляет.
Лишь звон разбитой арфы душу так
Пронзает. — Это символ, это знак

IV

Того, что нам сулят миры другие,
Того, чью красоту являет тут
Создатель лишь таким сердцам, какие, —
Не будь ее, — от неба отпадут,
Поскольку бой в себе они, слепые,
Не с верою, но с божеством ведут,
Чтобы себя, его низринув с трона,
Венчать своей же страстью, как короной.

1827

С О Н

В виденьях темноты ночной
Мне снились радости, что были;
Но грезы жизни, сон денной,
Мне сжали сердце — и разбили.
О, почему не правда дня —
Сны ночи тем, чей взгляд
В лучах небесного огня
Былое видеть рад!

О, сон святой! О, сон святой!
Шум просыпался в мире тесном,
Но в жизнь я шел, ведом тобой,
Как некий дух лучом чудесным.
Пусть этот луч меж туч, сквозь муть,
Трепещет иногда, —
Что ярче озарит нам путь,
Чем Истины звезда!

1827

«СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ! СЧАСТЛИВЫИ ЧАС!»

Счастливым день! Счастливым час!
И я был горд и ослеплен!
Но дух мой сир и слаб мой глас —
Растаял сон!

Познал я сил своих расцвет,
Свой молодой и смелый пыл,
Но юных лет давно уж нет —
Я их забыл.

И гордость я вотще познал —
Пускай другим венки дарит —
Еще жестокий яд похвал
В душе горит.

Счастливым день! Счастливым час!
Ты не обман мечты пустой —
Ты мне сиял, но ты погас,
Мираж златой.

Когда бы гордость, блеск и власть
Я смог бы снова обрести,

Не стало б силы боль и страсть
Опять снести.

Я помню — в мощи этих крыл
Слились огонь и мрак —
В самом уж взлете этом был
Паденья вещей знак.

1827

ОЗЕРО

Был в мире мне на утре дней
Всего милее и родней
Забытый уголок лесной,
Где над озерною волной
Я одиночество вкушал
Под соснами, меж черных скал.

Когда же ночь своим плащом
Окутывала все кругом
И ветер начинал опять
В ветвях таинственно роптать,
Во мне рос ужас, леденя,
Как холодок от волн, меня.

Но не со страхом был он все ж,
А с трепетным восторгом схож
И слаще для меня стократ,
Чем наибогатейший клад
Иль даже твой влюбленный взгляд.

И верил я: под толщей вод
Меня на ложе смерти ждет

Та, без кого я страдаю так,
Что погружен мой дух во мрак
И только рядом с ней, на дне,
Вновь светлый рай заблещет мне.

1827

С О Н Е Т К Н А У К Е

Наука! Ты, дочь времени седого,
Преобразить всё сущее смогла.
Зачем, как гриф, простерла ты сурово
Рассудочности серые крыла?
Не назову ни мудрой, ни желанной
Ту, что от барда в золоте светил
Сокрыла путь, лучами осиянный,
Когда в эфире дерзко он парил.
И кто низверг Диану с колесницы?
Из-за кого, оставя кров лесной,
Гамадриада в край иной стремится?
Наяду разлучила ты с волной,
С поляной — Эльфа, а с легендой Пинда —
Меня в мечтах под сенью тамаринда.

1829

А Л Ь А А Р А Ф
(Отрывок из поэмы)

В очарованных чашах,
 Под сенью ветвей,
Охраняющей спящих
 От слепящих лучей; —
Искры истины! Те, что
 Ночною порой
Сквозь сонные вежды
 Звезду за звездой
Влекут с небосклона,
 Чаруя, к очам, —
Как взоры влюбленно
 Внимающей вам, —
Очнитесь, в эфирном
 Своем бытии,
Веленьем всемирным,
 Служанки мои!
Стряхните с душистых
 Распущенных кос
След лобзаний росистых
 И лобзающих рос
(Ведь любовь и лобзанья
 Ниспошлют небеса,
Но покой и молчанье
 Предпочтут небеса).

Поведите плечами,
Взмахните крылами —
Мешает роса
Взлететь в небеса.
От любви надо лики
Отвратить наконец:
В косах — легкие блики,
В сердце — тяжкий свинец!

Лигейя! Лигейя!
Музыка! Красота!
Темной гибелью вея,
Ты светла и чиста!
О, плакать ли станешь,
Упав на утес,
Иль в небе застынешь —
Ночной Альбатрос:
Он дремлет над морем,
Раскинув крыла, —
Ты гредишь над миром,
Чиста и светла!

Лигейя! Покуда
Свет миров не померк,
Ты — певучее чудо,
Берущее верх
Над страхом, что гложет
Людей в забвении...
Но кто ж приумножит
Напевы твои?
Не дождь ли, шумящий
Над спящей травой
Все чаще и чаще —
И вот — проливной?

Не рост ли растенья?
Цветенья ль цветов?
Ах! подлинно пенье
Не струн, а миров!
Служанка, не надо!
Оставь свой напев
Для струй водопада,
Для шума дерев,
Для озера, сонно
Поющего в лад,
Для звезд, миллионы
Которых не спят,
Для диких цветов и
Для (в небе луна)
В девичьем алькове
Лежащих без сна,
Беспокоясь, как пчелы...
Где вереск сырой,
Где тихие доли, —
Лигейя, запой!
Ведь люди, что дышат
Легко в забытьи,
Уснули, чтоб слышать
Напевы твои,
Ведь ночью иного
Не ждет небосвод —
Ни ласковой слова,
Ни мягче забот,
Ведь ангелы встанут
В хладном блеске луны,
Лишь только настанут
Чары, песни и сны!

РОМАНС

О, пестрый мой Романс, нередко.
Вспорхнув у озера на ветку,
Глаза ты сонно закрывал,
Качался, головой кивал,
Тихонько что-то напевал,
И я, малыш, у попугая
Учился азбуке родной,
В зеленой чаще залегая
И наблюдая день-деньской
Недетским взглядом за тобой.
Но время, этот кондор вечный,
Мне громовым полетом лет
Несет такую бурю бед,
Что тешиться мечтой беспечной
Сил у меня сегодня нет.
Но от нее, коль на мгновенье
Дано и мне отдохновенье,
Не откажусь я все равно:
В ней тот не видит преступленья,
Чье сердце, в лад струне, должно
Всегда дрожать от напряженья.

К ***

Твои уста — твоя простая
Мелодия певучих слов —
Цветущий куст, где птичья стая
Среди моих щебечет снов;

Глаза, твои глаза — светила
Моей души — льют свет живой,
Как будто звезды на могилу,
На омертвелый разум мой;

Твоя душа! — И неизменный
Мой сон в ночи и на заре —
О правде вечной и бесценной
И всем доступной мишуре.

1829

К Р У Ч Ь Ю

Живой ручей! Как ясен ты,
Твой бег лучами вышит,
Твой блеск — эмблема красоты,
Души, открытой тайнам чувств,
Привольной прихоти искусств,
Чем дочь Альберто дышит.
Когда она глядит в тебя,
Дрожишь ты, многоводен,
И, детский лик волной дробя,
Со мной, ручей, ты сходен;
Как ты, вбираю я в себя
Ее черты глубоко,
И я, как ты, дрожу, дробя
Души взыскующее око!

1829

К ***

Я не скорблю, что мой земной удел
Земного мало знал самозабвенья,
Что сон любви давнишней отлетел
Перед враждой единого мгновенья.
Скорблю я не о том, что в блеске дня
Меня счастливей нищий и убогий,
Но что жалеешь *ты*, мой друг, *меня*,
Идущего пустынною дорогой.

1829

СТРАНА ФЕЙ

Долины мглистые, тенистая река,
Неясные леса — иль облака —
Их очертанья различишь едва ли
Сквозь слезы, застилающие дали;
Стада громадных лун бледнеют, меркнут, тают,
И вот уже сильней — сильней — сильней блистают —
В бесконечной смене мест,
В бесконечной смене мигов
Задувают свечи звезд
Колыханьем бледных ликов.
Вот на лунном циферблате
Скоро полночь, и одна
Несравненная луна
(Всех огромней, всех крылатей,
Всем другим предпочтена)
Сходит ниже — ниже — ниже —
Сердце ей сейчас пронизжет
Треугольный горный пик,
И вот — ее огромный лик
Пролил прозрачное сиянье
На дремлющее мирозданье,
На все, что только видит взор —

На море и на склоны гор,
На быстрых духов рой обманной,
На мир вещей, дремотно-странный, —
И спрятал их, как под шатром,
В том океане световом.
Глубок, глубок отныне он —
Земных предметов страстный сон!
Но утро гонит сонмы снов,
И лунный призрачный покров
Взлетает ввысь — быстрее — быстрее —
Так может взмыть в обитель гроз
Любая из земных вещей,
Быть может, желтый Альбатрос.
Теперь им больше не нужна
Для облачения луна,
Не нужен им, вещам земным,
Шатер, прозрачный словно дым
(Что слишком пышно, я считаю), —
Но искры лунные дождем
Струятся в воздухе дневном,
И мотыльки Земли, взлетая
В просторы неба, а потом,
Тоскуя о земных лугах
(Кто угадает их желанья!), —
Приносят лунное сиянье
На чуть мерцающих крылах.

ЭЛИЗАБЕТ Р. ХЕРРИНГ

Элизабет, коль *первым* имя это,
Листая твой альбом, увидят там,
Иной педант начнет корить поэта
За сочиненье вирш по пустякам.
А зря!.. Хотя и фокус строки эти,
Бранить *меня* за них причины нет:
Едва ли был когда-нибудь на свете
Таких забав не любящий поэт.
Размером трудным мысли излагает
Художник не по прихоти своей —
Ему игра созвучий помогает
Раскрыть себя в творении полней.
Раз у него есть дар, его работа
Известным с детства правилом жива:
«Не может в стих облечься то, чего ты
Глубоко в сердце не обрел *сперва*».

1829

К Е Л Е Н Е

Мне красота твоя, Елена, —
Никейских странствий корабли...
Они к отчизне вожденной
Пловца усталого несли
По волнам до земли.

Я плыл сквозь шторм, мечтой томимый:
Наяды взор, античный лик...
Влекомый им неодолимо,
Я славу Греции постиг
И грозное величье Рима.

Ты, в нише у окна белея,
Сжимаешь, статуя над мглой.
Агатовый светильник свой.
Там родина твоя, Психея,
Там край святой!

1831

ИЗРАФЕЛ

...И ангел Израфел с лютней-сердцем и с наисладчайшим из всех восславивших аллаха глазом. — *Коран*.

Есть, я знаю, ангел в высях
«С лютней-сердцем». Се — Израфел.
У него на устах
И в его перстах —
Песнь, настолько прекрасная, что в небесах
Гимны звезд замирают; молчанье в мирах;
Восхищение — чуть он запел.

И, взойдя в зенит,
Полная луна
Пеньем прельщена —
Блаженная, звенит,
Переливаются рулады, —
И встают Плеяды,
Рдея, — божьи чада,
Семь из мириада.

И молвит звездный хор,
И вторит голос лун,
И зрит небесный взор:

Певец персты простер
Над лирой, вечно юн.
И вспыхнул метеор
Напева стройных струн!

Там Израфел поет,
Где мудрость воскрылила,
Где бог в любви живет,
Где гурий красота
Сиянием светила
Над миром разлита.

Божественный певец!
Ты прав, отринув холод!
Ты в песнь вложил, мудрец,
Всю страсть людских сердец!
Ты смел и вечно молод,
Тебе вручен венец!

Плачь, смейся, пламеней!
Пройди надмирным лазом
Сквозь лабиринт страстей
Туда, где правит Разум,
Охваченный экстазом!

Ты — небо Красоты!
А на земле низинной
Долины — лишь долины,
Цветы — цветы... Но ты —
Тот свет, чья тень светлее света
с высоты!

И все же, Израфел,
Когда б сойти велел

Бог вниз тебе, а мне — взмыть в космос
твой.

Ты б лучше моего не спел
Мелодии земной,
А я б — дерзновенней тебя звенел
Небесною струной!

ГОРОД СРЕДИ МОРЯ

Где сумрак запад обволок,
Воздвигла Смерть себе чертог.
Там странный город виден взглядам.
Герой и трус, святой и грешник рядом
Объяты там могильным хладом.
Там башни (накренило их,
А все ж не рухнут), храмы, зданья —
Иные, чем у нас, живых,
И ветра свежее дыханье
Не взбороздит, не шелохнет
Немую ширь угрюмых вод.

Не льются с неба струи света
На город этот, мглой одетый.
Лишь отблеск дремлющих валов
Змеей ползет, как кровь багров,
По камням капищ и дворцов,
Чья кладка толще несравненно,
Чем в древнем Вавилоне стены,
По шпицам, по рядам колонн
И по ротондам, где фронтоны
Украшен фризами лепными
Из чаш с фиалками лесными
И лоз, вилетенных между ними.

Ничто нигде не шелохнет
Немую ширь угрюмых вод.
Во мраке контуры строений
Расплылись над землей, как тени,
А с главной башни шлет в простор
Смерть-великанша грозный взор.

В любом из склепов, в каждом храме
На уровне одном с волнами
Раскрыта дверь, но воды снят;
Воспрянуть их не побудят
Ни бирюза в глазницах статуй,
Ни на гробах покров богатый,
И, увы, не тронет рябь
Стекленеющую хлябь,
Чья безмятежность так ужасна,
Что, мнится, ни лазури ясной,
Ни бурь нет больше на земле —
Один лишь мертвый штиль во мгле.

Но чу! Вдруг ожил воздух стылый,
И зыбь поверхность вод всхолмила.
Не башня ль, возмутив их гладь,
Беззвучно стала оседать
И плотный полог туч над ними
Зубцами прорвала своими;
Свет алый выси в море льют,
И затихает бег минут,
И в миг, когда в пучину канут
Останки города того,
С престолов силы ада встанут,
Приветствуя его.

СПЯЩАЯ

В июне в темный час ночной
Я — под таинственной луной,
Чей золотистый ореол
На тихий холм и смутный дол
За каплей каплю в каплях рос
Дурмящий туман принес, —
И он ползет к долине вечной,
И мелодический, и млечный.
В волне белеет неюфар,
К воде припал белесый пар,
К могиле никнет розмарин,
Спит разрушенье меж руин,
Подобный Лете сонный пруд
Не разорвет дремотных пут —
Вся Красота уснула тут.
И спит Ирен. Гляди! Она
Среди Судеб своих одна.

Любовь моя! Не верю я!
Оконце твоего жилья
Распахнуто в ночную тьму,
И ветерки летят к нему,

И чередой волшебных фэй
По спальне носятся твоей —
И полог рукоплещет им,
И невесомым, и сквозным.
За темной бахромой ресниц
Сокрыт покой твоих зениц,
А по полу и вдоль стены
Тревожны тени и темны!
Ты здесь впотьмах, а рядом страх!
Куда стремишься ты во снах?
К каким морям и островам?
Твой облик странен деревьям —
Все странно. Странно ты бледна,
Странна волос твоих длина
И выпрениая тишина.

Спит леди! Пусть покойно спит,
Пусть небо спящую хранит!
И сновиденья вечно длит
На ложе, прежнего печальней,
В иной и столь священной спальней!
Господь, продли ей сон вовек,
Не дай открыть смеженных век,
Умерь ночных видений бег!

Пусть вечно спит! Покойно спит!
Пусть небо спящую хранит!
Пусть червь — могильный труд творит!
Пусть отворит туманный бор
Семейный склеп, где с давних пор
Покой таинственных могил
Лишь трепетно-тревожным был,
Когда фамильные гроба
Печально множила судьба;

Тайствен склеп, как в те года,
Когда она — дитя тогда —
Бросала камешки туда.
Но в этот раз из гулких врат
Пусть эхо не звучит трикрат,
Вселяя давний детский страх,
Что это стонет смерть в гробах.

1882

ДОЛИНА ТРЕВОГИ

Тихий край когда-то был,
Где давно никто не жил, —
Все пропали на войне;
Только звезды в вышине
Зажигались в поздний час,
И дозор их нежных глаз
Охранял с лазурных круч
Там цветы; и солнца луч
В душистых травах целый день
Нежил сладостную лень.
Но теперь исчез и след
Безмятежных тех примет —
В том краю покоя нет! —
Один лишь воздух, недвижим,
Словно во сне, застыл над ним.
Нет, то не ветер, пролетев,
Тревожит голоса дерев,
Шумящих, как студеный вал,
Вокруг пустынных скал!
Нет, и не ветер то влечет
Шуршащих облаков полет,
Неутомимый, непрерывный!..

А степь фиалками полна,
И плачет лилия одна
Там над могилой безымянной!
И плачет вечно, с лепестка
Роняя капель жемчуга.
И жжет слеза, на стебли трав
Росой бессмертною упав.

КОЛИЗЕЙ

О древний Рим! Огромный саркофаг,
Где Время погребло былую славу!
Здесь наконец, пройдя столь тяжкий путь,
Я утолю безудержную жажду
В твоих глубоких недрах, наконец
Я, сир и мал, колени преклоняю
Перед тобой, вшивая всей душой
Могущество твое, и мрак, и славу!

Пространство! Время! Память о былом!
Глухая ночь! Отчаянье! Молчанье!
Теперь я знаю эту власть заклятий —
Я знаю, что они призывней гласа,
Которому внимать пришел однажды
Царь Иудейский в Гефсиманский сад!
Теперь я понимаю — эти чары
Сильнее тех, которые когда-то
Умкнули одержимые халдеи
На землю смертных у спокойных звезд!

Здесь, где воитель пал, — колонн обломки,
Здесь, где блестел орел, — полночный сумрак
Нетопыри ревниво стерегут,

Здесь, где когда-то на ветру веселом
Красавиц римских волосы вились, —
Чертполох качается тоскливо,
Здесь, где сидел разнеженный владыка
Весь в золоте, — теперь на мрамор плит
Свой свет усталый лет рогатый месяц,
И ящерица быстро и беззвучно
Мелькает словно призрачная тень.

Постойте! Неужели эти стены,
Поросшие плющом немые своды
И испещренный трещинами фриз, —
Ужели все, что долгие столетья
Хранило славу, Время уничтожит
И тем докажет власть слепой судьбы?

«Не все, — мне отвечает Эхо, — нет!
Извечно громовые прорицанья
Мы будем исторгать для слуха смертных,
Как трещины Мемнона источают
Мелодию, приветствуя Зарю!
Мы властны над сердцами исполинов,
Над разумом гигантов властны мы!
Еще храним мы нашу мощь и славу,
Еще мы наши таинства храним,
Еще мы вызываем удивленье,
Еще воспоминания о прошлом
Парчой нетленной ниспадают с нас
И неземная слава полнит сердце!»

1833

СЕРЕНАДА

Так ночь тиха, так сладок сон,
Что даже струн нескромен звон —
Он нарушает тишину,
Весь мир склонившую ко сну.
На мбря жемчуг и опал
Элизиума блеск упал;
Спят звезды, только семь Плеяд
Ни в небе, ни в волнах не спят;
Пленительный Эндимион
В любви, любуясь, отражен.
Покой и мрак в лесах и долах,
Спят горы в тихих ореолах,
Едва блеснул последний сполох, —
Земля и звезды забытья
Возжаждали, как жажду я
Тебя, любви твоей невинной
И состраданья, Аделина.
О! Слушай, вслушайся, услышь:
Не так нежна ночная тишь,
Как эти нежные слова,
Что лаской сна сочтешь сперва.

И вот, пока я не дерзну
Задеть призывную струну,
Сердца и думы воедино
Пребудут слитны, Аделина.

1833

К Т О Й, Ч Т О В Р А Ю

В тебе обрел все то я,
К чему стремиться мог:
Храм, ключ с водой живою,
Зеленый островок,
Где только моим был каждый
Чудесный плод и цветок.

Свет жизни, ты угас!
Надежда, словно сладкий сон,
Лишь миг ласкает нас.
«Вперед!» — гремит глагол времен,
Но глух мой дух сейчас:
От призраков былого он
Отвесь не может глаз.

Густою мглой годов
Мой путь заволочло.
«Прошло! Прошло! Прошло!» —
Шуршит прибой о край несков.
Коль бурей дуб смело,
Ему не встать; не взмоет вновь
Орел, сломав крыло.

Все дни тобою полны,
А ночью мчат мечты
Меня в тот край безмолвный,
Где в легкой пляске ты
К реке, чьи вечны волны,
Нисходишь с высоты.

1884

Г И М Н

В полдень и полночь, сквозь тьму и мглу,
Мария, прими от меня хвалу.
В горе и счастье жизни земной,
О богоматерь, пребудь со мной.
Когда моя жизнь текла без забот
И ясен, и светел был небосвод,
От лени и суеты людской
Спасла ты мне душу своей рукой.
Теперь, когда бури грозная тень
Мрачит мой былой и нынешний день,
Даруй мне свет для грядущих дней,
Даруй надежду рукой своей.

1835

К Ф ***

Любимая! Средь бурь и гроз,
Слепящих тьмой мой путь земной
(Бурьяном мрачный путь зарос,
Не видно там прекрасных роз),
Душевный нахожу покой,
Эдем среди блаженных грез,
Грез о тебе и светлых слез.

Мысль о тебе в уме моем —
Обетованный островок
В бурлящем море штормовом...
Бушует океан кругом,
Но, безмятежен и высок,
Простор небес над островком
Голубизной бездонной лег.

1835

Ф — с С. О — д

Коль хочешь ты любовь внушать,
Иди и впредь путем своим,
Всегда собою будь и стать
Не тщись вовек ничем иным.
Ты так чиста, так мил твой взор,
Краса так богоравна,
Что не хвалить тебя — позор,
А не любить — подавно.

1835

ПОДВЕНЕЧНАЯ БАЛЛАДА

Скреплен союз кольцом,
Порукою согласья,
И с новым женихом
Стоим мы под венцом,
Но обрела ль я счастье?

Супруг обет мне дал,
Но голос, что от страсти
У бедного дрожал,
В моих ушах звучал,
Как стон *того*, кто пал
В бою у чуждых скал,
Обреть мечтая счастье.

Муж ласков был со мной,
Но сердцем унеслась я
К могиле дорогой
И, воскресив мечтой
Тебя, Делóрми мой,
Шепнула вдруг: «Постой!
Вновь обрела я счастье!»

Да, я сказала так,
И хоть вся жизнь — ненастье,
Хоть впереди лишь мрак,
Сочтет отныне всяк,
Что люб мне этот брак,
Коль в верности клялась я
Кольцо — ведь это знак,
Что *обрела* я счастье.

Пусть душу исцелит
Мне бог от безучастья,
Иль зло она свершит:
Ведь тот, кто был убит
И милою забыт,
Обречь не может счастья.

С О Н Е Т К З А Н Т Е

Прекрасный остров с именем прекрасным
Цветка, что всех других цветов нежней,
Как много зорь на этом небе ясном
Ты зажигаешь в памяти моей!
Как много светлых встреч — уж больше нет их!
Как много помыслов, разбитых в прах!
Как много ликом той, кому на этих
Не быть, не быть зеленых берегах!
Не быть! Увы, магическое слово
Меняет все. Успешному *не быть*.
Не быть! Но если не вернуть былого,
То проклят будь и дай тебя забыть,
Пурпурный остров гиацинтов, Занте!
«Isola d'oro! Fior di Levante!»¹

1837

¹ Золотой остров! Цветок Леванта! (итал.)

ПРИЗРАЧНЫЙ ЗАМОК

Божьих ангелов обитель,
Цвел в горах зеленый дол,
Где Разум, края повелитель,
Сияющий дворец возвел.
И ничего прекрасней в мире
Крылом своим
Не осенял, плывя в эфире
Над землею, серафим.

Гордо реяло над башней
Желтых флагов полотно
(Было то не в день вчерашний,
А давным-давно).
Если ветер, гость крылатый,
Пролетал над валом вдруг,
Сладостные ароматы
Он струил вокруг.

Вечерами видел путник,
Направляя к окнам взоры,
Как под мерный рокот лютни
Мерно кружатся танцоры,

Мимо трона проносясь,
И как порфирородный
На танец смотрит с трона князь
С улыбкой властной и холодной.

А дверь!.. Рубины, аметисты
По золоту сплели узор —
И той же россыпью искристой
Хвалебный разливался хор;
И пробегали отголоски
Во все концы долины,
В немолчном славя переплеске
И ум, и гений властелина.

Но духи зла, черны как ворон,
Вошли в чертог —
И свержен князь (с тех пор он
Встречать зарю не мог).
А прежнее великолепье
Осталось для страны
Преданием почившей в склепе
Неповторимой старины.

Бывает, странник зрит воочью,
Как зажигается багрянец
В окне — и кто-то пляшет ночью
Чуждый музыке дикий танец,
И рой теней, глумливый рой,
Из тусклой двери рвется — зыбкой,
Призрачной рекой...
И слышен смех — смех без улыбки.

МОЛЧАНИЕ

(Сонет)

Есть свойства — существа без воплощенья,
С двойною жизнью: видимый их лик —
В той сущности двоякой, чей родник —
Свет в веществе, предмет и отраженье.
Двойное есть *Молчанье* в наших днях,
Душа и тело — берега и море.
Одно живет в заброшенных местах,
Вчера травой поросших; в ясном взоре,
Глубоком, как прозрачная вода,
Оно хранит печаль воспоминанья,
Среди рыданий найденное знание;
Его название: «Больше Никогда».
Не бойся воплощенного Молчанья,
Ни для кого не скрыто в нем вреда.
Но если ты с его столкнешься тенью
(Эльф безымянный, что живет всегда
Там, где людского не было следа),
Тогда молись, ты обречен мученью!

1840

ЧЕРВЬ - ПОБЕДИТЕЛЬ

Смотри! Огни во мраке блещут.
 (О, ночь последних лет!)
В театре ангелы трепещут,
 Глядя из тьмы на свет,
Следя в слезах за пантомимой
 Надежд и вечных бед.
Как стон, звучит оркестр незримый:
 То — музыка планет.

Актеров сонм — подобье бога —
 Бормочет, говорит,
Туда, сюда летит с тревогой —
 Мир кукольный спешит.
Безликий некто правит ими,
 Меняет сцены вид,
И с кондоровых крыл, незримый,
 Проклятие струит.

Нелепый фарс! — но невозможно
 Не помнить мимов тех,
Что гонятся за Тенью, с ложной
 Надеждой на успех,

Что, обегая круг напрасный,
Идут назад, под смех!
В нем ужас царствует, в нем властны
Безумие и Грех.

Но что за образ, весь кровавый,
Меж мимами ползет?
За сцену тянутся суставы,
Он движется вперед,
Все дальше, дальше, пожирая
Играющих, и вот
Театр рыдает, созерцая
В крови ужасный рот.

Но гаснет, гаснет свет упорный!
Над трепетной толпой
Вниз занавес спадает черный,
Как буря роковой.
И ангелы, бледны и прямы,
Кричат, плащ скинув свой,
Что «Человек» — название драмы,
Что «Червь» — ее герой!

СТРАНА С Н О В

Тропой темной, одинокой,
Где лишь духов блещет око,
Там, где ночью черный трон
(Этим Идолом) взнесен,
Я достиг недавно, сонный,
Граней Фуле отдаленной,
И божественной, и странной, дикой области,
взнесенной
Вне Пространств и вне Времен.

Бездонный дол, безмерности потока,
Пещеры, бездны, странные леса;
На облики, каких не знало око,
Что миг, то каплет едкая роса.
Горы рушатся всечасно
В океан без берегов,
Что валы вздымает властно
До горящих облаков.
Озер просторы, странно полноводных,
Безмерность вод, — и мертвых, и холодных,

Недвижность вод, — застывших в мгле бессилий
Под снегом наклоненных лилий.

Там близ озер, безмерно полноводных,
Близ мертвых вод — и мертвых, и холодных —
Близ тихих вод, застывших в мгле бессилий

Под снегом наклоненных лилий, —

Там близ гор, — близ рек, бегущих,

Тихо льющих, век поющих;

Близ лесов и близ болот,

Где лишь водный гад живет;

Близ прудов и близ озер,

Где колдуний блещет взор;

В каждом месте погребальном,

В каждом уголку печальном,

Встретит, в ужасе немом,

Путник — Думы о былом,

Формы в саванах унылых,

Формы в белом, тени милых,

Что идут со стоном там,

В агонии, предаваясь и Земле, и Небесам!

Для сердец, чья скорбь безмерна,

Это — край услады верной,

Для умов, что сумрак Ада

Знают, это — Эльдорадо!

Но, в стране теней скользя,

Обозреть ее нельзя!

Тайн ее вовек, вовек

Не познает человек;

Царь ее не разрешит,

Чтоб был смертный взор открыт;

Чье б скорбное Сознание там ни шло,

Оно все видит в дымное стекло.

Трошкой темной, одинокой,
Где лишь духов блещет око,
Из страны, где Ночью — трон
(Этим Идолом) взнесен,
Я вернулся, утомленный,
С граней Фуле отдаленной.

В О Р О Н

Раз в тоскливый час полночный я искал основы
прочной
Для своих мечтаний — в дебрях философского труда.
Истомлен пустой работой, я поник, сморен дремотой,
Вдруг — негромко стукнул кто-то. Словно стукнул
в дверь... Да, да!
«Верно, гость, — пробормотал я, — гость стучится
в дверь. Да, да!
Гость пожаловал сюда».

Помню я ту ночь доньше, ночь декабрьской мглы
и стыни, —
Тлели головни в камине, вспыхивая иногда...
Я с томленьем ждал рассвета; в книгах не было
ответа,
Чем тоска смирится эта об ушедшей навсегда,
Что звалась Линор, теперь же — в сонме звездном
навсегда
Безымянная звезда.

Шорох шелковой портьеры напугал меня без меры:
Смяла, сжала дух мой бедный страхов алчная орда.
Но вселяет бодрость — слово. Встал я, повторяя
снова:

«Это гость, — так что ж такого, если гость
пришел сюда?
Постучали, — что ж такого? Гость пожаловал сюда.
Запоздалый гость. Да, да!»

Нет, бояться недостойно. И отчетливо, спокойно
«Сэр, — сказал я, — или мэдем, я краснею от стыда:
Так вы тихо постучали, — погружен в свои печали,
Не расслышал я вначале. Рад, коль есть
во мне нужда».
Распахнул я дверь: «Войдите, если есть
во мне нужда.
Милости прошу сюда».

Никого, лишь тьма ночная! Грозный ужас отгоняя,
Я стоял; в мозгу сменялась странных мыслей череда.
Тщетно из глухого мрака ждал я отклика иль знака.
Я шепнул: «Линор!» — однако зов мой канул
в никуда,
Дальним эхом повторенный, зов мой канул в никуда.
О Линор, моя звезда!

Двери запер я надежно, но душа была тревожна.
Вдруг еще раз постучали, явственнее, чем тогда.
Я сказал: «Все ясно стало: ставни...
Их порывом шквала,
Видимо, с крючка сорвало, — поправимая беда.
Ставни хлопают и только, — поправимая беда.
Ветер пошутил — ну да!»

Только я наружу глянул, как в окошко

Ворон прынул,
Древний Ворон — видно, прожил он несчетные года.
Взмыл на книжный шкаф он плавно и расселся там
державно,
Не испытывая явно ни смущенья, ни стыда,
Там стоявший бюст Минервы оседлал он без стыда,
Словно так сидел всегда.

Я не мог не удивиться: эта траурная птица
Так была невозмутима, так напыщенно-горда.
Я сказал: «Признаться надо, облик твой не тешит
взгляда;
Может быть, веленьем ада занесло тебя сюда?
Как ты звался там, откуда занесло тебя сюда?»
Ворон каркнул: «Никогда!»

Усмехнулся я... Вот ново: птица выкрикнула слово;
Пусть в нем смысла и немного, попросту белиберда,
Случай был как будто первый, — знаете ль
иной пример вы,
Чтоб на голову Минервы взгромоздилась без стыда
Птица или тварь другая и в лицо вам без стыда
Выкрикнула: «Никогда!»

Произнесши это слово, черный Ворон замер снова,
Как бы удовлетворенный завершением труда.
Я шепнул: «Нет в мире этом той, с кем связан я
обетом,
Я один. И гость с рассветом улетит — бог весть
куда,
Он, как все мои надежды, улетит бог весть куда».
Ворон каркнул: «Никогда!»

Изумил пришелец мрачный репликой меня удачной.
Но ведь птицы повторяют, что твердят их господа.
Я промолвил: «Твой хозяин, видно, горем был

измаян

И ответ твой не случаен: в нем та, прежняя, беда.
Может быть, его терзала неизбывная беда

И твердил он: «Никогда!»

Кресло я придвинул ближе: был занятен гость
бесстыжий,

Страшный Ворон, что на свете жил несчетные года.
И, дивясь его повадкам, предавался я догадкам, —
Что таится в слове кратком, принесенном им сюда,
Есть ли смысл потусторонний в принесенном им сюда
Хриплом крике «Никогда!»?

Я сидел, молчаньем скован, взглядом птицы
околдован,

Чудилась мне в этом взгляде негасимая вражда.

Средь привычного уюта я покоился, но смута

В мыслях властвовала люто... Все, все было,

как всегда,

Лишь ее, что вечерами в кресле нежилась всегда,
Здесь не будет никогда!

Вдруг незримый дым кадильный мозг окутал мой
бессильный, —

Что там — хоры серафимов или облаков гряда?

Я вскричал: «Пойми, несчастный! Этот знак прямой
и ясный —

Указал господь всевластный, что всему своя чреда:

Потерпи, придет забвенье, ведь всему своя чреда».

Ворон каркнул: «Никогда!»

«Птица ль ты, вещун постылый, иль слуга нечистой
силы, —
Молвил я, — заброшен бурей или дьяволом сюда?
Отвечай: от мук спасенье обрету ли в некий день я,
В душу хлынет ли забвенье, словно мертвая вода,
И затанет рану сердца, словно мертвая вода?»
Ворон каркнул: «Никогда!»

«Птица ль ты, вещун постылый, иль слуга нечистой
силы,
Заклинаю небом, адом, часом Страшного суда, —
Что ты видишь в днях грядущих: встречу с ней я
в райских кущах
В миг, когда среди живущих кончится моя страда?
Встречусь ли, когда земная кончится моя страда?»
Ворон каркнул: «Никогда!»

Встал я: «Демон ты иль птица, но пора нам
распроститься.
Тварь бесстыдная и злая, состраданью ты чужда.
Я тебя, пророка злого, своего лишаю крова,
Пусть один я буду снова, — прочь, исчезни без следа!
Вынь свой клюв из раны сердца, сгинь навеки
без следа!»
Ворон каркнул: «Никогда!»

И, венчая шкаф мой книжный, неподвижный,
неподвижный,
С изваяния Минервы не слетая никуда,
Восседает Ворон черный, несменяемый дозорный,
Давит взор его упорный, давит, будто глыба льда.
И мой дух оцененный из-под мертвой глыбы льда
Не восстанет никогда.

ЕВЛАЛИЯ — ПЕСНЯ

В ночи бытия
Надежда моя,
Как узница, изнывала.
Но солнечная Евлалия желанной подругой мне стала,
Евлалия в золоте волос невестой стыдливой мне стала.

Озера очей
Любимой моей
Мне ярче всех звезд заблистали.
В полуночной мгле
На лунном челе
Волокна тумана едва ли
Сравнятся с кудрями Евлалии, что вольно
на плечи ей пали,
Поспорят с кудрями Евлалии, что мягко
на плечи ей пали.

О мире скорбей
Забыли мы с ней
Под нашим незыблемым кровом.

А с горних высот
Нам знаменье шлет
Астарта в сиянии новом.
И юная смотрит Евлалія на небо взором лиловым,
И смотрит Евлалія взором жены, взором
хрустально-лиловым.

1845

ДРУГУ СЕРДЦА
В ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА

Фиалковым очам, затмившим Диоскуров,
Предназначаю я цепочку строк моих.
В ней имя нежное властительницы их,
Равно таясь от глаз профанов и авгуров,
Божественно царит. Его затерян след.
Ищи внимательно мой талисман заветный,
Прекрасный талисман, бесценный амулет,
Не пропусти в стихах и буквы неприметной, —
Не то напрасен труд, не то прервется нить,
Не в узел гордиев затянутая мною.
Не надобен здесь меч. Догадкою одною
Возможно, кружево разъяв, соединить
Три слова, что не раз любой бы счел своими,
Когда, о признанных поэтах говоря,
Поэт хотел назвать достойнейшее имя.
Верни ж его из тьмы, очами озаря.
Здесь все — твой вымысел, Фернандо Мендес Пинто.
Лишь буквы здесь не лгут. Но как же их найти?
Оставь бесплодный труд. К тем буквам нет пути.
Вовек, сокровище, не выйдешь из глубин ты.

К МАРИИ ЛУИЗЕ ШЮ

Из всех, кто близость чтут твою, как утро,
Кому твое отсутствие — как ночь,
Затменье полное на тверди вышней
Святого солнца, кто, рыдая, славят
Тебя за все, за жизнь и за надежду,
За воскресенье веры погребенной
В людей, и в истину, и в добродетель,
Кто на Отчаянья проклятом ложе
Лежали, умирая, и восстали,
Твой нежный зов познав: «Да будет свет»,
Твой нежный зов слышав, воплощенный
В блеск серафический твоих очей, —
Кто так тебе обязан, что подобна
Их благодарность обожаю, — вспомни
О самом верном, преданном всех больше,
И знай, что набросал он эти строки,
Он, кто дрожит, их выводя, при мысли,
Что дух его был с ангельским в общеньи.

У Л Я Л Ю М

(Баллада)

Небеса были пепельно-пенны,
Листья были осенние стылы,
Листья были усталые стылы,
И октябрь в этот год отреченный
Наступил бесконечно унылый.
Было смутно; темны, вдохновенны
Стали чащи, озера, могилы, —
Путь в Уировой чаще священной
Вел к Оберовым духам могилы.

Мрачно брел я в тени великанов —
Кипарисов с душою моею,
Мрачно брел я с Психеей моею.
Были дни, когда Горе, нагрянув,
Залило меня лавой своею,
Ледовитую лавой своею.
Были взрывы промерзших вулканов,
Было пламя в глубинах морей —
Нарастающий грохот вулканов,
Пробужденье промерзших морей.

Пепел слов угасал постепенно,
Мысли были осенние стылы,
Наша память усталая стыла.
Мы забыли, что год — отреченный,
Мы забыли, что месяц — унылый
(Что за ночь — Ночь Ночей! — наступила,
Мы забыли, — темны, вдохновенны
Стали чащи, озера, могилы),
Мы забыли о чаше священной,
Не заметили духов могилы.

И когда эта ночь понемногу
Пригасила огни в небесах,
Огоньки и огни в небесах, —
Озарил странным светом дорогу
Серп о двух исполинских рогах.
Серп навис в темном небе двурого, —
Дивный призрак, развеявший страх, —
Серп Астарты, сияя двурого,
Прогоня сомненья и страх.

И сказал я: «Светлей, чем Селена,
Милосердней Астарта встает.
В царстве вздохов Астарта цветет
И слезам, как Сезам сокровенный,
Отворяет врата. — Не сотрет
Их и червь. — О, Астарта ведь не на
Нашу землю меня поведет —
Сквозь созвездие Льва поведет,
В те пределы, где, пепельно-пелна,
Лета — вечным забвеньем — течет,
Сквозь созвездие Льва вдохновенно,
Милосердно меня поведет!»

Но перстом погрозила Психея:
«Вижу гибельный свет в небесах!
Вижу гибель и свет в небесах!
Свет все ближе. Беги же скорее!»
Одолели сомненья и страх,
Побледнела душа, и за нею
Крылья скорбно поникли во прах,
Ужаснулась, и крылья за нею
Безнадежно упали во прах, —
Тихо-тихо упали во прах.

Я ответил: «Тревога напрасна!
В небесах — ослепительный свет!
Окунемся в спасительный свет!
Прорицанье Сивиллы пристрастно,
И прекрасен Астарты рассвет!
Полный новой Надежды рассвет!
Он сверкает раздольно и властно,
Он не призрак летучий, о нет!
Он дарует раздольно и властно
Свет Надежды. Не бойся! О нет,
Это — благословенный рассвет!»

Так сказал я, проникнуть не смея
В невеселую даль ее дум
И догадок, догадок и дум.
Но тропа прервалась и, гемнея,
Склеп восстал. Я, мой разум, мой ум,
Я (не веря), мой разум, мой ум —
Все воскликнули разом: «Психея!
Кто тут спит?!» — Я, мой разум, мой ум... —
«Улялюм, — подсказала Психея, —
Улялюм! Ты забыл Улялюм!»

Сердце в пепел упало и пену
И, как листья, устало застыло,
Как осенние листья, застыло.
Год назад год пошел отреченный!
В октябре бесконечно уныло
Я стоял здесь у края могилы!
Я кричал здесь у края могилы!
Ночь Ночей над землей наступила —
Ах! зачем — и забыв — не забыл я:
Тою ночью темны, вдохновенны
Стали чащи, озера, могилы
И звучали над чащей священной
Завывания духов могилы!

Мы, стена, — она, я, — вскричали:
«Ах, возможно ль, что духи могил —
Милосердные духи могил —
Отвлеченьем от нашей печали
И несчастья, что склеп затаил, —
Страшной тайны, что склеп затаил, —
К нам на небо Астарту призвали
Из созвездия адских светил —
Из греховной, губительной дали,
С небосвода подземных светил?»

ЗАГАДОЧНЫЙ СОНЕТ

«Сонеты, — учит Соломон дон Дукка, —
На редкость мыслью подлинной бедны.
В прозрачном их ничтожестве видны
Хитросплетенья вауми со скукой.
Красавицы чураться их должны.
Их понапрасну выдумал Петрарка.
Чуть думь — и все труды его насмарку.
Они смешны, слащавы и бледны».
Не возражаю Солу. Хоть и зол он,
Но прав. Сколь часто, изумляя свет,
Убог, как мыльный пузырек, сонет.
Не этот, я надеюсь. Тайны полон,
Он будет, вечен и неколебим,
Беречь свой смысл — ваш милый псевдоним.

1848

К ***

Еще недавно автор этих строк
В спесивом упоенье интеллектом
До неба «силу слов» превозносил
И утверждал, что мысли возникают
Не иначе, как в форме языка;
Но вот, в насмешку ль над его хвальбой,
Два слова — нежных, слабых, чужезвучных,
Два неземных (о, ангелам бы их
Шептать во сне над лунною «росою,
Жемчужной нитью легкой на Гермон») —
Из бездны сердца тихо поднялись:
Немысли, полумысли, души мыслей —
Волшебней и божественней тех грез,
Что Израфел (певец «с наисладчайшим
Из всех восславивших аллаха гласом») —
Посмел бы в песнь вложить. И я — немею.
Рука застыла; брошено перо.
Тебе молиться именем твоим
Не смею: ни писать, ни петь, ни думать;
И чувствовать устал — оцепененье
Владеет мной пред златовратным сном,
Оцепененье сковывает чувство.

Робею, очарован, — даль безмерна;
Вперед, направо ль, влево ль погляжу —
Туман багровый застилает землю,
И лишь один-единственный мираж
Горит у горизонта — ты! ты! ты!

1848

К Е Л Е Н Е

Давно, не помню, сколько лет назад,
Тебя я увидал, но лишь *однажды*.
Стоял июль, и полная луна
Плыла проворно по небу ночному,
Паря над миром, как твоя душа.
И лился свет, серебряный и тонкий,
Баюкая дремотной духотою
Раскрывшиеся лики алых роз,
Цветущих в зачарованном саду,
Где ветерок на дыпочках кружил.
В ответ на ласку этих лунных пальцев
Раскрывшиеся лики алых роз
Дарили саду аромат предсмертный,
С улыбкой умирали на куртинах
Раскрывшиеся чаши летних роз,
Завороженных близостью твоею.

А ты, вся в белом, на ковре фиалок
Полулежала. Лунный свет купал
Раскрывшиеся лики алых роз
И лик твой, затуманенный печалью,

Сама Судьба июльской жаркой ночью
Сама Судьба (она ж зовется Скорбью)
Меня к калитке сада привела,
Чтоб я вдохнул благоуханье роз
И тишины. Проклятый мир дремал,
Лишь ты да я не спали. Я смотрел
Во все глаза, томился, ждал и медлил.
Но в этот миг внезапно все исчезло
(Не забывай, что сад был зачарован):
Растаяли жемчужный блеск луны,
Цветочный рай, змеящиеся тропки,
Деревьев ропот, мшистые лужайки,
И даже роз полночный аромат
В объятьях ветра умирал, слабей.
Исчезло все, — осталась только ты,
Верней, не ты, а глаз волшебный светоч, —
Душа в твоих распахнутых глазах.
Я видел только их — мой милый мир! —
В их глубь гляделся долгими часами,
Смотрел, пока луна не закатилась.
Какие письма напечатлело
Ты, сердце, на прозрачных сферах глаз!
Как боль темна в них и светла надежда,
Какое море тихое гордыни,
Порывов суетных и как бездонен
Их дар любить и ласку расточать!

Но вот уже Диана прилегла
На ложе грозовой, лохматой тучи,
И ты, как призрак, меж деревьев сонных
Растаяла. *И лишь твои глаза*
Пронзали тьму, маячили, манили,
Мне путь домой, как звезды, освещали;
И с той поры, хотя Надежды нет,

Они — мои вожатые сквозь годы,
Мои служители, а я — их раб.
Они горят и дух воспламеняют,
А я стараюсь *обрести спасенье*,
Очиститься, воскреснуть, освятившись
В их елисейском радужном огне.
Мне душу наполняя красотой
(Она ж Надежда), светят с горних высей,
Они, как светочи, я им молюсь
В тоскливые часы ночных бессониц
И даже в блеске золотого дня.
Всегда мне мягко светят две Венеры,
Которых даже солнцу не затмить!

ЭЛЬДОРАДО

Средь гор и долин
Спешил паладин,
Ни солнце, ни тень не преграда.
И юн, и удал,
Он с песней искал
Таинственный край Эльдорадо.

Но тенью легла
На складки чела
Немых расстояний преграда.
Он в дальних краях
Ослаб и одрях,
Покуда искал Эльдорадо.

У сумрачных скал
Он тень повстречал:
«О тень, всем надеждам преграда,
Поведай ты мне,
В какой стороне
Смогу я найти Эльдорадо?»

«Ищи за несмет-
ным сонмом планет,
Ни в чем я тебе не преграда.
Спускайся скорей
В долину теней,
И там ты найдешь Эльдорадо!»

1849

С Н О В И Д Е Н Ь Е В С Н О В И Д Е Н Ь И

Печально лоб целую твой,
Но прежде, чем прощусь с тобой,
Поведаю тебе одной...
Да, ты не зря твердила мне,
Что жизнь моя течет во сне,
Но, если нет надежды боле,
То — ясным днем иль при луне
Она *ушла* — не все равно ли,
Во сне ушла иль не во сне?
Все, что несут нам сон и бденье,
Лишь сновиденье в сновиденьи.
...Стою на берегу морском,
У ног — прибоя вечный гром,
И бережно держу в руках
Песчинок золотистый прах,
А он сквозь пальцы, как струя,
Стекает в море бытия —
И горько, горько плачу я!
О боже! Что ж моя рука
Не может удержать песка?
О боже! Где мне силы взять
Хоть бы песчинку удержать?
Ужели *все* — и сон, и бденье —
Лишь сновиденье в сновиденьи?

К А Н Н И

О счастье! Не мучусь
Я больше, томясь,
Упорной болезнью,
И порвана связь
С горячкой, что жизнью
Недавно звалась.

Лежу я недвижно,
Лишенный сил,
И каждый мускул
Как будто застыл.
Мне лучше: не мучит
Горячечный пыл.

Лежу я спокойно,
Во сне распростерт,
Забыв все недуги,
Как будто я мертв,
И можно в испуге
Подумать — я мертв.

Рыдания и вопли
Затихли вокруг,
Как только прервался
Мучительный стук —
Терзающий сердце
Томительный стук.

Тоска, отвращенье,
Как тающий воск,
Исчезли с болезнью,
Мрачившей мой мозг,
С горячкой, что жизнью
Сжигала мой мозг.

Исчезла и пытка,
Всех пыток сильней, —
Ужасная жажда
Души моей
К реке ядовитой
Проклятых страстей:
Насытил я жажду
Души моей.

Испил я студеной
Воды из ключа,
Тот ключ потаенный
Струится, журча,
В земле неглубоко
Струится, журча.

О нет! Пусть не скажет
Никто, что для сна
Приют мой мрачен,
Постель так тесна, —

Ведь тот, кто скажет:
Постель так тесна,
Он тоже ляжет
В такую ж для сна.

Мой дух не лелеет
Мечтаний о грозах,
Не сожалеет
О пламенных розах,
О том, что алеет
На миртах и розах,

Дыханье как будто
Анютиных глазок
Он слышит из руты,
Из праздничных связок
Цветов розмаринных,
Анютиных глазок —
Дыханье невинных
Анютиных глазок.

Он дремлет блаженно
В тумане мечтаний
О правде нетленной
И верности Анни,
Витая блаженно
Средь локонов Анни.

Она с поцелуем
Склонилась ко мне,
И я, не волнуем
Ничем в тишине,
Скользя, как по струям,
Забылся во сне.

Укрыв меня нежно
И свет затемня,
Она помолилась
Потом за меня,
Чтоб ангелы неба
Хранили меня.

И я на постели
Лежу распростерт
(С истомою в теле),
Как будто я мертв, —
Прильнув к изголовью,
Лежу распростерт
(С ее любовью),
Как будто я мертв, —
И вам всем я страшен,
Как будто я мертв.

Душа ж моя ярче,
Чем в млечном тумане
Все звезды на небе,
Сверкает с Анни,
Горит она светом
Любви моей Анни,
Лучится ответом
Из глаз моей Анни.

СОНЕТ К МОЕЙ МАТЕРИ

Постигнув, что не только человек —
Но ангелы — из всех благословений,
Способных нежность выразить навек,
Не отыскали имени блаженной,
Я «матерью» назвал тебя, и ты
Вошла мне в сердце самую родною
И стала жить в нем — в доме пустоты,
Покинутом покойною женою.
Мою родную мать (по ком я тоже
Скорблю) ты материнством превзошла:
Жизнь дорога — Виргиния дороже,
Ты, дав ей жизнь, мне этим жизнь дала;
Отныне же, когда ее не стало,
И для меня небытие настало.

1849

АННАБЕЛЬ ЛИ

Это было давно, это было давно,
В королевстве приморской земли:
Там жила и цвела та, что звалась всегда,
Называлась Аннабель Ли,
Я любил, был любим, мы любили вдвоем,
Только этим мы жить и могли.

И, любовью дыша, были оба детьми
В королевстве приморской земли.
Но любили мы больше, чем любят в любви, —
Я и нежная Аннабель Ли,
И, взирая на нас, серафимы небес
Той любви нам простить не могли.

Оттого и случилось когда-то давно,
В королевстве приморской земли, —
С неба ветер повеял холодный из туч,
Он повеял на Аннабель Ли;
И родные толпой многознатной сошлись
И ее от меня унесли,
Чтоб навеки ее положить в саркофаг
В королевстве приморской земли.

Половины такого блаженства узнать
Серафимы в раю не могли, —
Оттого и случилось (как ведомо всем
В королевстве приморской земли), —
Ветер ночью повеял холодный из туч
И убил мою Аннабель Ли.

Но, любя, мы любили сильнее и полней
Тех, что старости бремя несли, —
Тех, что мудростью нас превзошли, —
И ни ангелы неба, ни демоны тьмы
Разлучить никогда не могли,
Не могли разлучить мою душу с душой
Обольстительной Аннабель Ли.

И всегда луч луны навевает мне сны
О пленительной Аннабель Ли:
И зажжется ль звезда, вижу очи всегда
Обольстительной Аннабель Ли;
И в мерцаньи ночей я все с ней, я все с ней,
С незабвенной—с невестой—с любовью моей—
Рядом с ней распростерт я вдали,
В саркофаге приморской земли.

З В О Н

I

Слышишь, — в воздухе ночном
Серебром
Бубенцы гремят на санках, что взметают снег
столбом.

Как гремят, гремят, гремят
В чуткой тишине морозной!
Звонкой радостью объят
Небосвод бессчетнозвездный,
И мерцают звезды в лад.
В этой песне звонкой, складной
Лад старинный, лад обрядный.

О заливисто-хрустальный мелодичный перезвон,
Легкий звон, звон, звон, звон,
Звон, звон, звон, —
Ясный, чистый, серебристый этот звон.

II

Слышишь, — счастьем налитой,
Золотой
Звон венчальный, величальный, звон над юною четой.
Звон в ночи благоуханной,
Благовест обетованный!
Падает он с вышины
Мерный, веский;

Светлой радости полны,
Долетают золотые всплески
До луны!
Ликованьем напоен,
Нарастает сладкозвучный торжествующий трезвон!
Яркий звон!
Жаркий звон!
Упованьем окрылен,
Славит будущее он
Гимном вольным колокольным.
Светлый звон, звон, звон,
Стройный звон, звон, звон, звон,
Звон, звон, звон,
Звон блаженный, вдохновенный этот звон!

III

Слышишь, — рушит мирный сон
Медный звон!
Он ужасное вещает: стар и млад им пробужден!
В уши тугоухой ночи
Изо всей вопит он мочи!
Рев испуга страшен, дик,
Бессловесный крик, крик,
Вопль медный.
Он отчаянно взывает к милосердию огня,
Беспощадного, глухого, бесноватого огня.
Пламя, свой разбой чиня,
Лезет ввысь, ввысь, ввысь, —
Берегись! Берегись!
Вот-вот-вот его клешня
Доберется до луны прозрачно-бледной.
Сеет ужас и разлад
Обезумевший набат,

Звон сполошный!
Черной жутью напоен
Этот звон, звон, звон,
Крик захлебывающийся, крик истошный!
Слушай, как кричит набат,
Завывая,
Отбивая
Взлет пожара или спад;
Слушай, — все расскажет он,
Гул нестройный,
Разнобойный:
Жив огонь иль побежден.
То слабее, то сильнее злой неистовствует звон,
Ярый звон,
Буйный звон, звон, звон, звон,
Звон, звон, звон,
Иступленный, распаленный этот звон!

IV

Слышишь, — там, над краем бездны,
Звон железный, —
Он твердит о жизни брэнной, о надежде бесполезной!
Тишь ночную всколыхнул
Душу леденящий гул, —
Мы трепещем, заунывный слыша звон!
О, как скорбно, боже правый,
Рвется вон из глотки ржавой
Хриплый стон!
Что за племя, что за племя —
Те, на башнях, кто со всеми
Разобщен,
Те, кто гудом, гудом, гудом,
Горьким гулом похорон,

Властвуют над сонным людом,
В сонный мозг вонзая звон!
Вы не люди, вы не люди,
Нéлюди вы, звонари,
Вам веселье в этом гуде,
Упыри!

Кто взялся быть звонарем,
Надмогильным стал царем,
Мечет гром, гром, гром,
Гром,

Творит священный звон!
Ликованьем охьянен,
Он творит священный звон!
И вопит, и пляшет он,
И в раскачке этой складной
Лад старинный, лад обрядный,
Гимн забытых пра-времен
Этот звон:

В песне долгой, безотрадной
Лад старинный, лад обрядный.
Пляшет он под этот звон,
Под надрывный звон, звон,
Заунывный звон, звон,
И в раскачке этой складной
За поклоном бьет поклон,
В лад старинный, лад обрядный
Вновь и вновь берет разгон
Под раздольный звон, звон,
Колокольный звон, звон,
Скорбный звон, звон, звон, звон,
Звон, звон, звон,
Под прощальный, погребальный этот звон.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 23. Та мер лан. — В поэме рассказана в аллегорической форме история первой любви Эдгара По. В 1825 году он тайно обручился с Сарой Эльмирой Ройстер (1811—1888). Родители Эльмиры, узнав о ее увлечении, поспешили выдать ее замуж за другого человека. *Та мер лан* — Тимур Ленг, то есть Тимур Хромой (1336—1405), средневековый восточный завоеватель, основатель обширного государства в Средней Азии с центром в Самарканде. *Ты знал ли, старик, такую страсть?* — В поэме Тамерлан перед кончиной исповедуется странствующему монаху.

Стр. 27. Песня. — Посвящено Эльмире Ройстер (см. прим. к стр. 23).

Стр. 28. Мечты. — *Уж не под властью ль тайных чар я жил?* — В стихотворении По вспоминает о том, как он впервые осознал свое призвание поэта.

Стр. 30. Духи смерти. — Посвящено Эльмире Ройстер (см. прим. к стр. 23).

Стр. 32. Вечерняя звезда. — Вечерней звездой По называет Венеру.

Стр. 33. Стансы. — Эпиграф взят из поэмы Байрона «Остров», песнь II, строфа XVI. *Был в юности знакомец у меня...* — Подражая Байрону, поэт в форме аллегории рассказывает в стихотворении о том, как открыл в себе способность понимать язык природы.

Стр. 35. Сон. — Стихотворение посвящено памяти Джейн Стенард, матери школьного товарища поэта, умершей в 1824 году.

Стр. 36. «Счастливы день! Счастливы час!» — В стихотворении поэт с горечью вспоминает о вынужденной разлуке с Эльмирой Ройстер (см. прим. к стр. 23).

Стр. 38. Озеро. — С озером Драммонд (близ Норфолка в штате Виргиния), которое По здесь воспевает, связана легенда о двух влюбленных. Юноше, потрясенному внезапной смертью подруги, стало казаться, что она зовет его из глубины озера, куда он и бросился со скалы. На этот же сюжет написана известная баллада Томаса Мура «Озеро Мрачной Топи» (1803).

Стр. 40. Сонет к Науке. — *Диана.* — См. прим. к стр. 93. *Гамадриада* (греч. миф.) — нимфа, обитающая в дереве и умирающая вместе с ним. *Наяда* (греч. миф.) — нимфа вод. *Эльф* (древнегерм. миф.) — дух природы, легкое, воздушное существо в человеческом облике, наделенное волшебной способностью превращения. *Пинд* — горный хребет, отделяющий Фессалию от Эпира; в древней Греции считался владением Аполлона; в переносном смысле — приют поэзии. *Тамаринд* — тропическое вечнозеленое дерево с желтыми цветами.

Стр. 41. Аль Аараф. — Название своей самой большой поэмы, из которой печатается один, ставший хрестоматийным отрывок («Заклинание Нисейки»), По заимствовал из предисловия к английскому переводу Корана (см. прим. к стр. 52). Там указано, что Аль Аараф — это чистилище, преддверие мусульманского рая. По поместил Аль Аараф на звезду, которая была открыта датским астрономом Тихо Браге в 1572 г. Впоследствии она внезапно угасла. В поэме звезда эта выполняет двойную миссию: карает погрязших в грехе обитателей других планет и передает веления божьи во все концы вселенной.

Повелевает звездой верховный ангел Нисейки (от греч. «хозяйка острова»), принявший женский облик. В приведенном отрывке Нисейки обращается к своей главной служанке Лигейе (от греч. «громко поющая»), олицетворяющей «божественную гармонию».

Стр. 44. Романс. — Романс — здесь имеется в виду фантазия, поэтическое воображение и в более широком смысле поэзия, искусство. *И я, малыш, у попугая...* — По преданию, у По в детстве был попугай, который умел произносить буквы алфавита.

*Стр. 45. К**** — Посвящено Эльмире Ройстер (см. прим. к стр. 23).

Стр. 46. К ручью. — Чем дочь Альберто дышит... — По всей вероятности, имеется в виду новелла X, 1-го дня «Декамерона» Боккаччо, в которой рассказывается о том, как бойкая молодая вдовушка кокетством приворожила к себе пожилого лекаря Альберто, намереваясь посмеяться над ним; однако, пристыженная его благородством, она обещала любить его как дочь.

*Стр. 47. К**** — Адресат стихотворения неизвестен.

Стр. 48. Страна фэй. — Желтый Альбатрос — здесь нечто невероятное, несбыточное, отсутствующее в природе (альбатросы, крупные морские птицы из отряда буревестниковых, бывают только белыми или черными). *Теперь им больше не нужна для облачения луна...* — Древние верили, что боги каждые сутки уничтожают старую луну и создают новую. О поверье этом рассказал римский поэт Тит Лукреций Кар в поэме «О природе вещей» (I в. до н. э.).

Стр. 50. Элизабет Р. Херринг. — Этот акrostих был написан в альбом Элизабет Ребекке Херринг, кузине поэта.

Стр. 51. К Елене. — Посвящено Джейн Стенард (см. прим. к стр. 35). — *Елена* (греч. миф.) — дочь Зевса и Леды, славившаяся своей необыкновенной красотой. Выданная замуж за спартанского царя Ме-

нелая, Елена была похищена троянским царевичем Парисом. Менелай призвал на помощь греческих героев, и они выступили в поход против Трои. *Никейских странствий корабли.* — Никейские — то есть победоносные (от греч. «нике» — побеждать). *Пловца усталого несли...* — Имеется в виду Одиссей, возвращающийся из Трои на Итаку. *Наяды взор* — (см. прим. к стр. 40). *Психея* — см. прим. к стр. 93. *Там край святой!* — то есть Греция.

Стр. 52. Израфел. — Эпиграф взят из предисловия к переводу Корана на английский язык, выполненному Дж. Сейлом (1734). Это изречение также процитировано Т. Муром в примечаниях к его поэме «Лалла Рук» (1817). *Плеяды* — звездное скопление в созвездии Тельца. Согласно греческому мифу, Плеяды — семь дочерей титана Атланта, осужденного за участие в борьбе титанов против богов держать на своих плечах небесный свод. Огорченные участью отца, Плеяды покончили с собой и были взяты на небо. *Лира* — древнегреческий струнный щипковый инструмент, изображение которого принято как эмблема музыки; так же называется созвездие северного полушария неба. *Гурии* — мифические вечно юные девы мусульманского рая.

Стр. 55. Город среди моря. — *Там странный город виден взглядам.* — В Библии рассказывается о том, как бог Яхве покарал нечестивых жителей Содомы и Гоморры, двух городов, находившихся на побережье Мертвого моря. Города были разрушены и испепелены, и волны моря сомкнулись над ними.

Стр. 57. Спящая я. — *Ненюфар* — водяная лилия, символ целомудрия, чистоты. *Розмарин.* — См. прим. к стр. 106. *Лета* (греч. миф.) — река забвения в подземном царстве мертвых. *Ирен* — условное имя возлюбленной (от греч. «мир», «спокойствие»).

Стр. 60. Линор. — Имя героини представляет собой вариант греческого имени «Елена» («светоносная»). *Легит с тоской душа святой к стигийским бере-*

гам — то есть к берегам Стикса, реки, которая, по верованиям древних греков, окружала подземное царство мертвых. *Сэр Гай* — условное аристократическое имя. *Пеан* (пеон) — в античном мире благодарственная песнь богам за спасение.

Стр. 62. Долина тревоги. — В том краю покоя нет! — Поэт хочет сказать, что образы погибших на войне стираются в памяти живых людей; забвение же страшнее физической смерти (подробнее об этом см. в прим. к стих. «Молчание»).

Стр. 64. Колизей. — Стихотворение представляет собой отклик По на известное описание Колизея в «Чайльд Гарольде» Байрона (песнь IV, СХДП—СХLV). ...*царь Иудейский в Гефсиманский сад!* — Согласно евангельской легенде, Христос молился в Гефсиманском саду близ Иерусалима накануне предательства Иуды, суда и казни. *Халдеи* — жрецы в Вавилоне и Ассирии; славились своим умением определять судьбу людей по расположению небесных светил. *Мемнон* (греч. миф.) — один из героев Троянской войны, царь эфиопов. Именем Мемнона называли статую египетского фараона Аменхотепа III, которая при восходе солнца издавала жалобный звук: говорили, что это Мемнон приветствует свою мать Эос, богиню утренней зари.

Стр. 66. Серенада. — *Элизиум.* — См. прим. к стр. 100. — *Плеяды* — см. прим. к стр. 52. *Эндимион* — согласно греческому мифу, прекрасный юноша, которого усыпила богиня Луны Селена (Артемиды), чтобы целовать его во сне. Она умолила Зевса даровать Эндимиону вечный сон, бессмертие и юность. *Аделина* — здесь условное имя возлюбленной; означает «благородная», «знатная».

Стр. 68. К той, что в раю. — Стихотворение написано под влиянием Байрона. Английский поэт, пылко любивший в юности Мэри Чаворт, написал в канун ее замужества стихи, которые вдохновили Эдгара По. *Зеленый островок.* — Согласно ирландским поверьям, на зеленых островах в океане обитали души праведников.

*Стр. 71. К Ф**** — При первой публикации в 1835 году стихотворение было посвящено Мэри Уинфри, подруге Эльмиры Ройстер (см. прим. к стр. 23). В 1845 году По переадресовал стихотворение Френсис Сарджент Осгуд (см. прим. к стр. 72).

Стр. 72. Ф—с С. О—д. — В 1835 году стихотворение было написано в альбом Элизе Уайт, дочери издателя журнала «Сазери литерари мессенджер». В 1845 году По переадресовал это же стихотворение поэтессе Френсис Сарджент Осгуд (1811—1850), которой был сильно увлечен в то время.

Стр. 73. Подвечная баллада. — Стихотворение посвящено Эльмире Ройстер (см. прим. к стр. 23). *Делборми* — условное аристократическое имя. *Обреть не может счастья.* — См. прим. к стих. «Молчание».

Стр. 75. Сонет к Занте. — Остров Закинф (*итал.* Занте) расположен в восточной части Ионического моря и принадлежит к группе Ионических островов. По считал, что название острова восходит к греческому названию цветка гиацинта. Есть и другая версия: согласно греческому мифу, Закинф, один из спутников Геракла, был похоронен на этом острове. *Как много ликов той...* — Имеется в виду Эльмира Ройстер. *Левант* — восточная часть Средиземноморья.

Стр. 76. Призрачный замок — Эта баллада была включена По в новеллу «Падение дома Эшеров» (1839). *Порфирородный* — византийский император Константин VII Багрянородный (913—959), покровительствовавший распространению в Византии античной образованности.

Стр. 78. Молчание. — В этом сонете По развивает свою излюбленную мысль о том, что человек умирает дважды — физически и духовно. Духовная смерть наступает тогда, когда о нем забывают все, кто знал его при жизни.

Стр. 79. Червь-победитель. — В 1845 г. По включил это стихотворение в новеллу «Лигейя».

Стр. 81. Страна снов. — *Фуле* — по представлению древних, крайняя оконечность земли, находившаяся где-то к северу от Британии. *Эльдорадо*. — См. прим. к стр. 103.

Стр. 84. Ворон. — *Линор*. — См. прим. к стр. 60. *Минерва* (римск. миф.) — богиня мудрости, покровительница наук, искусств и ремесел; отождествлялась с греческой Афиной Палладой.

Стр. 89. Евлалия — песня. — Посвящено Виргинии Элизе Клемм (1822—1877), двоюродной сестре поэта, которая в 1836 году стала его женой. Имя Евлалия, по мнению некоторых критиков, представляет собой вариант имени Улялюм (см. прим. к стр. 93). *Астарта*. — См. прим. к стр. 93.

Стр. 91. Другу сердца в день святого Валентина. — В этом стихотворении-загадке скрыто имя Френсис Сарджент Остуд (см. прим. к стих. «Ф—с С. О — д»). *День св. Валентина* — 14 февраля, когда по старинному обычаю юноши и девушки в шутку выбирают себе возлюбленных и обмениваются шуточными стихотворными посланиями. *Диоскуры* (греч. миф.) — близнецы Кастор и Полидевк (Поллукс), которых отец их Зевс в награду за братскую любовь сделал созвездием Близнецов. *Авгуры* — в древнем Риме жрецы, предсказывавшие будущее по полету птиц. *Узел гордиев* (греч. миф.) — чрезвычайно запутанный узел, которым царь Фригии Гордий прикрепил ярмо к дышлу колесницы. Оракул предсказал, что тот, кто распутает узел, станет властителем Азии. Александр Македонский вместо того, чтобы пытаться распутать гордиев узел, разрубил его мечом. *Фернандо* (Фердинандо) *Мендес Пинто* (1509—1583) — португальский путешественник, рассказы которого о собственных приключениях вызвали всеобщее недоверие. Имя Пинто стало нарицательным именем хвастуна и лжеца, наподобие барона Мюнхгаузена.

Стр. 92. К Марии Луизе Шю. — Имеется в виду Шоу Мария Луиза, дочь врача, которая ухаживала за женой По — Виргинией во время ее болезни. «*Да будет свет...*» — библейское выражение «Сказал бог: да будет свет, и бысть» (лат. *Fiat lux!*).

Стр. 93. Улялюм. — Стихотворение написано в связи со смертью Виргинии По. Существует несколько гипотез о происхождении имени героини этой баллады. Согласно самой распространенной, Улялюм — это сочетание элементов двух латинских слов — *ululare* (скорбеть, оплакивать) и *lumen* (свет), то есть Свет Скорби. *Год отреченный* — здесь незапамятный, забытый. *Уир* Роберт Уолтер (1803—1889) — американский пейзажист, писавший в ярко выраженной романтической манере. *Обер* Даниель-Франсуа-Эспри (1782—1871) — французский композитор, балет которого «Озеро фей» был поставлен в Нью-Йорке в то время, когда По работал над «Улялюм». *Кипарис* — символ траура. *Психея*. — См. предисловие, стр. 14. Во вставной новелле об Амуре и Психее из античного романа «Метаморфозы» (или «Золотой осел») Апулея (II в.) рассказывается о том, как Афродита (Венера), мать Амура, возненавидела его возлюбленную Психею. *Ночь Ночей* — канун католического праздника Дня всех святых (1 ноября), когда, по преданию, души мертвых обретают власть над живыми. *Астарта* (Иштар) — женское божество плодородия, почитавшееся в Вавилоне, Ассирии и Финикии; в эпоху эллинизма Астарта отождествлялась с Афродитой. *Селена* (греч. миф.) — богиня Луны, которую отождествляли с холодной, целомудренной Артемидой (Дианой). *Созвездие Льва*. — Время прохождения планеты Венеры (Астарты) через созвездие Льва считалось неблагоприятным для любви.

Стр. 97. Загадочный сонет. — В этом стихотворении-загадке скрыто имя Сарры Анны Льюис (псевдоним поэтессы Эстеллы Анны Льюис), с которой По был знаком в последние годы его жизни. — *Соломон дон Дукка* — здесь ироническая игра слов: «мудрый глупец». *Петрарка* Франческо (1304—1374) —

великий итальянский поэт; разработал и довел до совершенства каноническую форму сонета.

*Стр. 98. К**** — Стихотворение посвящено Марии Луизе Шоу (см. прим. к стр. 92). — «Сила слова». — По имеет в виду одноименный собственный рассказ (1845). «...росою, жемчужной нитью легшей на Гермону» — неточная цитата из пьесы английского драматурга Джорджа Пилля (1558—1597) «Царь Давид и прекрасная Вирсавия», написанной на библейский сюжет. *Израфел.* — См. прим. к стр. 52.

Стр. 100. К Е л е н е. — Написано в ответ на стихотворное послание «К Эдгару А. По» (1848), принадлежащее перу поэтессы Сары Хелен Уитман (1803—1878), с которой По был некоторое время помолвлен. Помолвка эта, однако, не привела к браку. ...*в из елисейском радужном огне...* — В греч. миф. Элисий (Элизиум, Елисейские поля) — поля блаженных, загробный мир, где обитают души праведников.

Стр. 103. Эльдорадо. — Легенда об Эльдорадо возникла в XVI веке в эпоху завоевания Южной Америки испанскими конкистадорами. Согласно легенде, Эльдорадо (*исп.* «позолоченный») был вождем страны, сказочно богатой золотом и будто бы находящейся где-то на территории нынешней Колумбии. Именем вождя называли и его владения. Стихотворение явилось откликом на «золотую лихорадку», которая началась в США в 1848 году после открытия месторождения золота в Калифорнии. Искателям наживы противопоставлены те, кто вечно ищет подлинные, то есть духовные ценности в жизни.

Стр. 105. Сновиденье в сновиденьи. — Посвящено Нэнси Ричмонд (см. прим. к стр. 106).

Стр. 106. К Анни. — Посвящено Нэнси Ричмонд, замужней женщине, которую По, как и другие близкие ее друзья, называли Анни. Она заботилась о больном поэте в течение последнего года его жизни.

Сильно привязавшись к ней, По взял с нее клятву, что она будет непременно с ним в момент его кончины. Приняв однажды чрезмерную дозу снотворного, поэт потерял сознание; его с трудом вернули к жизни. Стихотворение было написано под впечатлением этого события. *На миртах и розах...* — Мирты и розы считались символами любви; *анютины глазки* — размышления, раздумья; *рута* — раскаяния, печали; *розмарин* — воспоминания и верности (ср. сцену безумия Офелии в «Гамлете» Шекспира, действие IV, картина 5-я).

Стр. 110. Сонет к моей матери. — Посвящен тетке поэта, а впоследствии матери его жены — Марии Клемм (1790—1871). *Мую родную мать...* — Элизабет Арнольд По (1787—1811), мать поэта, была известной в свое время актрисой. *Виргиния.* — См. прим. к стр. 89.

Стр. 111. Аннабель Ли. — Стихотворение написано в связи со смертью Виргинии По. — *Аннабель Ли* — условное эфоническое (благозвучное) имя.

В. ЗАХАРОВ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В. Захаров. Лирика Эдгара По	5
--	---

ЛИРИКА

Тамерлан (Отрывок из поэмы). Перевод В. Брюсова . . .	23
Песня. Перевод В. Брюсова	27
Мечты. Перевод Ю. Корнеева	28
Духи Смерти. Перевод В. Брюсова	30
Вечерняя звезда. Перевод Ю. Корнеева	32
Стансы. Перевод Ю. Корнеева	33
Сон. Перевод В. Брюсова	35
«Счастливей день! Счастливей час!» Перевод Т. Гнедич . . .	36
Озеро. Перевод Ю. Корнеева	38
Сонет к Науке. Перевод В. Васильева	40
Аль Аараф (Отрывок из поэмы). Перевод В. Топорова . . .	41
Романс. Перевод Ю. Корнеева	44
К *** («Твои уста — твоя простая...»). Перевод М. Квятковской	45
К ручью. Перевод В. Брюсова	46
К *** («Я не скорблю, что мой земной удел...»). Перевод К. Бальмонта	47
Страна фей. Перевод М. Квятковской	48
Элизабет Р. Херринг. Перевод Ю. Корнеева	50
К Елене («Мне красота твоя, Елена...»). Перевод Б. Томашевского	51
Израфел. Перевод В. Топорова	52
Город среди моря. Перевод Ю. Корнеева	55
Спящая. Перевод А. Эпеля	57
Линор. Перевод Г. Усовой	60
Долина тревоги. Перевод Г. Кружкова	62
Коллизей. Перевод А. Архипова	64
Серенада. Перевод В. Топорова	68
К той, что в раю. Перевод Ю. Корнеева	68
Гимн. Перевод А. Щербачова	70

К Ф*** («Любимая! Среди бурь и гроз...»). Перевод Б. Томашевского	71
Ф — с С. О — д. Перевод Ю. Корнеева	72
Подвечная баллада. Перевод Ю. Корнеева	73
Сонет к Занте. Перевод В. Васильева	75
Призрачный замок. Перевод Н. Вольпин	76
Молчание (Сонет). Перевод К. Бальмонта	78
Червь-победитель. Перевод В. Брюсова	79
Страна снов. Перевод В. Брюсова	81
Ворон. Перевод М. Донского	84
Евфалия — песня. Перевод В. Васильева	89
Другу сердца в день святого Валентина. Перевод А. Щербакова	91
К Марии Луизе Шю («Из всех, кто близость чтут твою, как утро...»). Перевод В. Брюсова	92
Улялюм (Баллада). Перевод В. Топорова	93
Загадочный сонет. Перевод А. Щербакова	97
К*** («Еще недавно автор этих строк...»). Перевод В. Топорова	98
К Елене («Давно, не помню, сколько лет назад...»). Перевод А. Архипова	100
Эльдорадо. Перевод В. Васильева	103
Сновиденье в сновиденьи. Перевод М. Квятковской	105
К Анни. Перевод М. Зенкевича	106
Сонет к моей матери. Перевод В. Топорова	110
Аннабель Ли. Перевод К. Бальмонта	111
Звон. Перевод М. Донского	113
Примечания	117

Эдгар Аллан По

Лирика

Редактор Н. Толстая
Художественный редактор А. Гасников
Технический редактор Н. Литвина
Корректор Л. Никульшина

Сдано в набор 13/V 1975 г. Подписано к печати 24/XI 1975 г. Бум. тип. машиномелов. № 2. Формат 70×90¹/₃₂. 4 печ. л. 4,668 усл. печ. л. 3,976 уч.-изд. л. Тираж 25 000 экз. Заказ № 702. Цена 43 коп. Издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29